ГЕНРІЕТТА,

ИЛИ

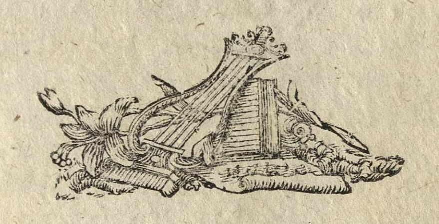
ГУСАРСКОЕ ПОХИЩЕНІЕ,

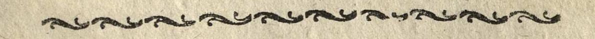
Приключенія произходившія во время недавно бывшей последней войны у Прусаковъ съ Цесарцами.

Переведена съ Нѣмецкаго языка

А. Б.

ЧАСТЬ III.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1782 года.

I.

Генріетта къ Пастору Угриху.

Естьлибъ я длиннымъ и трудным путешествіемъ утруждена была и болѣе теперешняго, то тогда бы не преминула удовольствовать вожделѣніе моего сердца, желающаго беседовать съ драгоцѣннѣйшимъ отцомъ и почтенія достойною матерью. Но какимъ родомъ беседы? увы! только писменнымъ, и весьма недостаточнымъ для нѣжнаго сердца вашей Генріетты, вашей, неизреченно васъ любящей, дочери, привыкнувшей столь много къ пріятнѣйшимъ собесѣдованіямъ съ вами и къ родительскимъ вашимъ ласкамъ. Ахъ драгоцѣнныя родители! почто долженствовала дочь ваша отлучена быть отъ васъ? Отлучена отъ милыхъ своихъ воспитателей и попечителей въ юности; отлучена отъ всѣхъ благодѣтельствующихъ друзей своихъ. Утѣха вашей старости! — Тако удостоивали вы называть сироту безпомощную! принятую въ домъ вашъ. —— Ахъ, почто не могла она на-

всегда при васъ оставаться и навсегда быть таковою? О какъ наполнено все мое сердце вами, и коль сильно стремится и привязано оно къвамъ! — Съ ощущеніемъ нѣкоторой тоски ищетъ оно тщетно здѣсь двухъ особъ, коихъ присутствіе сдѣлалось для него весьма нужнымъ и необходимо надобнымъ. Ахъ драгоцѣнной и почтенія достойнѣйшій отецъ! ваша Генріетта на половину только щастлива! будучи отлученною отъ возлюбленнаго отца, отторгнутою изъ объятій любви достойныхъ родителей, можетъ ли она имѣть сердце не ощущающее грусти и печали, и можетъ ли она спокойна быть? Не надмѣру ли довольно поводовъ къ грусти подаютъ и одни помышленія о томъ, что первой находится нынѣ посредѣ кровопролитной войны и окруженъ тьмами опасностей ужасныхъ, а вторыя осталися одни въ скучномъ и печальномъ уединеніи, безъ подпоры и безъ утѣхи, при глубокой своей старости? —

Однако жалобами сими не облегчится мое тоскующее сердце: и такъ не стану болѣе продолжать оныхъ, а увѣдомлю васъ о нашемъ путешествіи и о пріѣздѣ. Коль много пріятнаго и веселаго для меня было бы и въ томъ и въ другомъ, естьлибъ

либѣ я тѣмъ не удалена была отъ особъ, которыя для моего сердца составляютъ все и все. Первыя мили путешествія своего ѣхали мы въ глубокомъ молчаніи и уныніи. Каждой изъ насъ объятъ былъ собственною своею горестію, и каждой погруженъ былъ въ задумчивость и уныніе, кой гдѣ, и кой когда, только словечко, тамъ вздохъ, тамъ опять словцо, соединенное съ слезами, и такъ попеременно. До первой станціи родительницы моей сердце вздыхало о удаленіи отъ драгоцѣннаго и любви достойнаго своего супруга, находящагося посредѣ всѣхъ опасностей военныхъ. А мое, мое претерпѣвало еще болѣе и болѣе трикратно. Она оплакивала только разлученіе съ супругомъ, а я разлученіе съ двумя любви достойными отцами и единою матерью, которая меня любила нѣжно, и которую любила и я не меньше какъ родную. И самъ мой любезной Карлъ былъ печаленъ; горесть, о удаленіи на знатное разстояніе отъ престарѣлаго и пекущагося объ немъ отца, къ чему убѣжденъ онъ былъ единою только любовію, угнѣтала его сердце: однако онъ всѣхъ насъ былъ веселѣе, или паче всѣхъ менѣе грустилъ, но старался

насЪ развеселять, и всѣмЪ чѣмЪ могЪ развивать наши мысли, и оказывалЪ мнѣ всѣ знаки любви своей наинѣжнѣйшей.

За шесть миль отЪ Г. . . . нашли мы лошадей моего родителя, высланныхЪ на встрѣчу кЪ намЪ господиномЪ Визенау, а вЪ С. . . . нашли мы самого сего любви достойнаго мужа. —— ОнЪ приуготовилЪ для насЪ тутЪ обѣденной столЪ, и принялЪ насЪ такЪ какЪ нашЪ родитель.

АхЪ! батюшка, какой ето человѣкЪ, сей другЪ моего родителя, какія выраженія употребить мнѣ для возвѣщенія вамЪ кто и каковЪ есть Визенау? Много хорошаго сказывалЪ намЪ обЪ немЪ мой родитель, и весьма много добра пересказывалЪ обЪ немЪ старой и честной ГубертЪ, но все ето ничто противЪ того что вЪ немЪ найдешь когда увидишь, и узнаешь его самолично. Сколь привлекателенЪ весь видЪ его, сколь милЪ, пріятенЪ весь его взорЪ, и сколь прелестно все и все вЪ немЪ! какое пріятное и наидобрѣйшее сердце изображающее лицо! какой милой и веселой нравЪ! какой разумЪ! СловомЪ, увидѣвЪ его, не льзя не любить и не почитать его, и мы всѣ очарованы были имЪ. Однако я отложу до другова случая дальнѣйшее

щее и подробнѣйшее изображенie сего любви достойнаго, а теперь скажу только сie одно, что Визенау есть все то, чѣмъ быть должно для ношенiя на себѣ имени возлюбленнѣйшаго друга такому мужу, каковъ есть мой почтенiя достойной родитель.

Послѣ обѣда продолжали мы свой путь далѣе; веселые и прiятные разговоры господина Визенау разогнали тотчасъ всю грусть и уныние сердецъ нашихъ. Мой Карлъ сдѣлался столь веселъ и словохотенъ, каковъ всегда бывалъ. Матушка моя и я сотовариществовали ему въ томъ. И такъ ѣхало тогда насъ четверо щастливыхъ въ страну мира и спокойствiя.

По прошествiи нѣсколькихъ часовъ доѣхали мы до одного перелѣска, а вскорѣ потомъ до одного густаго лѣса —— Что я тебѣ сказывалъ Антонъ! —— закричалъ господинъ Визенау изъ коляски: —— не позабудь ты мнѣ того. —— Коляска ѣхала скоро и по прошествiи четверти часа закричалъ Антонъ: Вотъ здѣсь, Милостивой Государь, вотъ здѣсь! —— въ тотъ моментъ ухватилъ господинъ Визенау у матушки моей и у меня руку,

 по-

поцѣловалъ ихъ себѣ, и обнялъ моего Карла: —— Поздравляю, тысячу разъ поздравляю теперь васъ, возопилъ онъ съ радостнѣйшимъ духомъ, съ благополучнымъ прибытіемъ! теперь находитесь вы въ своемъ уже владѣніи: лѣсъ етотъ отъ самаго сего мѣста и всѣ мѣста, чрезъ которыя вы теперь поѣдете, принадлежатъ къ деревнямъ любви достойнаго Маіора, вашего любезнаго супруга, вашего достойнаго родителя, а моего любезнаго друга.

Чувствованія душевныя, которыя мы тогда ощущали, не могу я вамъ любезныя родители никакъ описать, но чувствительныя сердца ваши сами могутъ вамъ изобразить оныя.

Мы велѣли остановиться, и вышли вонъ. — О Боже! коль тронуто было мое сердце при возшествіи на сію землю. Крупныя какъ градъ слезы покатились изъ моихъ глазъ, и вскорѣ вся грудь обмочена была ими: мы плакали всѣ. Самой кучеръ, и провождающей насъ егеръ, утирали глаза у себя. —— Ахъ когдабъ былъ и онъ съ нами! когдабъ увидѣли мы и его возвратившагося въ объятія наши здравымъ! его, драгоцѣннаго супруга, отца и друга! — Симъ образомъ говорили мы всѣ едино-

гласно

гласно и воздыхали о томЪ изЪ глубины сердецЪ нашихЪ.

Мы положили весь лѣсЪ пройтить пѣшими. Визенау повелЪ мою родительницу за руку, а мы рука обЪ руку схватясь шли сЪ КарломЪ. Говорили мы мало, но тѣмЪ болѣе ощущали сердцами нашими.

КакЪ лѣсЪ сталЪ рѣжѣ и свѣтлѣе становиться, и чрезЪ то означивалЪ свое окончанiе, то закричалЪ господинЪ Визенау: — Ну, АнтонЪ, что я тебѣ сказывалЪ! ступай же вЪ передЪ! — Тотчас: тогда отвязалЪ егерЪ верховую лошадь, и сѣвЪ на нее поскакалЪ вЪ передЪ, а мы сѣли вЪ коляску.

Мы выѣхали изЪ лѣса на пространное, равное, и почти окомЪ необЪемлемое поле, покрытое плодоносными нивами всякаго хлѣба, обѣщавающими богатую жатву. Покуда простираться можетЪ зрѣнiе ваше, и еще далѣе вонЪ за етотЪ прiятной пригорокЪ, говорилЪ господинЪ Визенау, все ето ваше владѣнiе, а вскорѣ встрѣтятЪ насЪ и щастливые подданные лучшайшаго мужа. — Мы стали подниматься на пригорокЪ, и не успѣли на высоту онаго взобраться, какЪ увидѣли предЪ собою обширное селенiе, а

посреди онаго старой и почтенной видъ имѣющей замокъ, возвышающейся выше всѣхъ низкихъ жилищь поселянскихъ. —— Вотъ, сказалъ господинъ Визенау, указывая намъ селеніе пальцомъ, вотъ и наша любезная Фридейбергъ, и конецъ вашего путешествія. А вонъ ето домъ господской, старой но спокойной замокъ. Дѣдъ любезнаго нашего Маіора, такой же добродушной и честной человѣкъ, каковъ и достойной внукъ его, былъ основателемъ и строителемъ онаго. Никогда не бывало въ немъ столь пріятныхъ обитателей, какихъ получаетъ онъ нынѣ: даруй небо чтобъ дожили они въ немъ до столь многихъ и щасливыхъ дней, коликихъ желаетъ имъ сіе сердце. Мы благодарили его со слезами.

Съ четверть часа послѣ того повернули мы къ оному, и поѣхали дорогою, лежащею между двухъ живыхъ и зеленыхъ оградъ, и услышали тутъ колокольной звонъ въ селеніи. Но какою нечаянностію мы поражены, и какъ тронуты наши сердца были, какъ увидѣли вдругъ знаменитое множество мущинъ, женщинъ и дѣтей къ себѣ на встрѣчу идущихъ. —— Ето подданные ваши! —— сказалъ госпо-

сподинъ Визенау — они хотятъ встрѣтить господъ своихъ. Всѣ добрые, честные и усердные люди, привыкнувшіе господина своего почитать отцомъ, другомъ и благодѣтелемъ своимъ. —— Никогда не плакивала я съ множайшими чувствіями.

Какъ поравнялись они съ коляскою, повелѣли мы остановиться, и вышли вонъ изъ оной. Одинъ почтенной и сѣдинами покрытой старецъ подошелъ и поздравлялъ насъ съ пріѣздомъ. Что онъ намъ съ слезами въ глазахъ и дрожащимъ голосомъ говорилъ, того я не знаю. Разныя чувствованія совсѣмъ оглушили меня, и душа моя такъ была тронута, и въ такое приведена движеніе, что я не устояла бы на ногахъ, естьлибъ Карлъ не поддержалъ меня. Онъ благодарилъ, сколько ему можно было, поздравляющаго старца, которой не успѣлъ поотступить, какъ двѣ прекрасныя и чисто одѣтыя дѣвушки, лѣтъ по четырнатцати, подошли къ намъ съ корзинками. Одна изъ нихъ подала каждому изъ насъ по большему пукету цвѣтовъ, обвитыхъ разноцвѣтными лентами, висящими съ оныхъ, а у другой былъ вѣнокъ, сплѣтенной изъ садовыхъ, полевыхъ и луговыхъ цвѣтовъ.

Она

Она поставила корзину свою на землю, взяла вѣнокъ, ухватила съ почтеніемъ мою руку, вздѣла его на нее, а потомъ взяла руку у Карла, просунула ее сквозь его же, и вздѣла вѣнокъ на обѣихъ нашихъ рукахъ до самыхъ локтей. Цвѣти онъ всегда и никогда не разрывайся! —— Съ сими словами поклонилась она закраснѣвши и отступила назадъ.

Въ продолженіе сей трогательной сцѣны, которая навѣки останется въ душѣ моей впечатлѣнна, и всѣмъ будетъ меня трогать, господствовало совершенное молчаніе между всѣми прочими, и не успѣло оное окончиться, какъ начались отъ всѣхъ радостныя восклицанія, и въ одну минуту были мы окружены вокругъ и ссыпаны цвѣтами всякаго рода.

Наконецъ по данному знаку отъ господина Визенау, дали намъ дорогу и мы вошли опять въ коляску: предъ нами оглядываяся къ намъ бѣжали, прыгали и скакали маленькіе мальчики и дѣвочки по сторонамъ, и позади коляски шла вся толпа, и препровождала насъ до самыхъ воротъ замка, въ которыя въѣхали мы предъ самымъ захожденіемъ солнца, и встрѣчены были всѣми служителями дома.

Раз-

Разныя и нужныя домашнія дѣла принудили меня вчера письмо свое перервать, и оставить недоконченное. А вижу также что оно примѣтно, и увеличивается, и дѣлается долговато; однако я въ томъ не извиняюсь, потому что ни мало не опасаюсь, чтобъ вамъ, драгоцѣнныя родители, оное скучило. Теперь буду продолжать далѣе:

Великолѣпной ужинъ, услажденной пріятными и забавными разговорами господина Визенау, продержалъ насъ за столомъ до десяти часовъ вечера; какъ хотѣли мы встать, то шепнулъ служитель нѣчто на ухо господину Визенау, на что онъ въ слухъ отвѣтствовалъ, хорошо, и служитель вышелъ. Вскорѣ потомъ отворились двери, и одинъ престарѣлой и согбенной старикъ, опирающейся на два костыля, вошелъ тихими стопами къ намъ въ залу. О батюшка! никогда не видывала я мужа почтенія и подобострастія достойнѣйшаго, и вы дозвольте мнѣ имѣть удовольствіе описать вамъ сего престарѣлаго героя такимъ, каковымъ я его тогда одѣтаго въ гусарскую шубку, въ сапогахъ, и на клюки свои опирающагося предъ собою видѣла. Бѣлые, какъ снѣгъ,

снѣгъ, волосья висѣли у него надъ впавшими висками, а изъ подъ густыхъ и посѣдѣвшихъ бровей видимы были темнокаріе, и довольно еще живости въ себѣ имѣющіе глаза: нѣкоторой остатокъ прежняго огня примѣтенъ былъ еще въ оныхъ. Жесткіе и совсѣмъ побѣлѣвшіе усы простирались по обѣимъ его впавшимъ ланитамъ, бывшимъ до сего красными, а нынѣ поблѣднѣвшими. Два превеликихъ рубца отъ сабли украшали впрочемъ его осанистое лицо, и придавали оному столькожъ важности, сколько изъявляло оно въ себѣ честность и доброту нрава. — Во всѣхъ насъ вперилъ онъ подобострастіе къ себѣ.

Мы встали всѣ вдругъ, какъ онъ приближился къ намъ; сперва подтащился онъ къ моей родительницѣ, выпустилъ одну клюку изъ рукъ, ухватилъ ея руку и поцѣловалъ оную. Потомъ хотѣлъ онъ итти ко мнѣ, но я подбѣжала сама къ нему, и ухвативъ руку его пожала ее съ чувствіемъ. Онъ поцѣловалъ оную, и капли двѣ густыхъ слезъ упали на оную. Тамъ обратился онъ къ Карлу, но сей съ подобострастіемъ подошелъ самъ къ нему, и его обнялъ. —— Теперь обтеръ онъ

онѣ свои слезы, и жалкимѣ голосомѣ началѣ намѣ говорить: — Престарому изжившему свой вѣкѣ, и одряхлѣвшему воину, получающему здѣсь насущный хлѣбѣ отѣ щедрыхѣ рукѣ милостивца и величайшаго благодѣтеля своего, которому на вѣкѣ пребудетѣ онѣ благодарнымѣ, восхотѣлось также исполнить свой долгѣ, и изъявить усердіе свое господамѣ своимѣ, и поздравить оныхѣ сѣ пріѣздомѣ. Правда, хотя и не можетѣ онѣ сдѣлать того такѣ, какѣ хотѣлѣ бы охотно, но здѣсь бьется сердце, хотя само по себѣ слабо, но довольно живо вѣчною благодарностію. Пріимите ее таковою, каковую изъявить онѣ вѣ состояніи.

Господинѣ Визенау подалѣ ему тогда стулѣ, и мы насилу могли уговорить его сѣсть на оной. О! сколь многое разсказалѣ намѣ тогда сей словоохотной старикѣ кѣ славѣ любезнаго моего родителя относящагося. Мы слушали его цѣлой часѣ сѣ удовольствіемѣ, и отпустили наконецѣ его отѣ себя сѣ радостными вѣ глазахѣ слезами.

Но кто бы такой былѣ сей престарой и сѣдинами покрытой герой? — Припомните ли вы одного стараго Унтерѣ

Офи-

Офицера Гребера, которой однажды писалЪ письмо кЪ родителю моему, и о которомЪ онЪ, и ГубертЪ, намЪ столь много хорошаго разсказывали. Ето былЪ никто иной какЪ онЪ. Ето былЪ онЪ, благодѣтельной и добродушной старецЪ, которой сохранилЪ нѣкогда жизнь любезнаго родителя моего, которой вынесЪ его на спинѣ своей при случаѣ ужаснаго сраженія при Фрейберхѣ, и потомЪ до самаго выздоровленія его обЪ немЪ старался. За сохраненіе наилучшаго изЪ супруговЪ, отцовЪ и друзей обязаны благодарностію мы сему добродѣтельному; и о! сколько добра я ему за то желаю. И отселѣ мое наиприятнѣйше попеченіе будетЪ о томЪ, чтобЪ остальные дни, кЪ концу приближающейся его жизни, сдѣлать ему столь пріятными и радостными, сколько мнѣ дозволятЪ силы. —— ГосподинЪ Визенау отвелЪ насЪ потомЪ вЪ нашу спальню, гдѣ насладились мы пріятнымЪ сномЪ, послѣ трудовЪ сЪ путешествіемЪ сопряженныхЪ.

* * *

ВсѣМи людьми здѣсь найденными, и тѣми особами, которыя отЪ части состав-

ставлять будутЪ впредь наше общество, я нарочито довольна. ПасторЪ здѣшняго мѣста, и его жена были вчера у насЪ. ОнЪ кажется быть изряднымЪ человѣкомЪ, и господинЪ Визенау его похваляетЪ, но жена его мнѣ не совсѣмЪ нравится; напротивЪ того вЪ особливости полюбилась мнѣ живущая здѣсь вдова прежняго Пастора. Она содержитЪ себя здѣсь небольшими процентными деньгами, и мѣсячнымЪ жалованьемЪ, получаемымЪ отЪ моего родителя, и имѣетЪ сына, которой на его же коштѣ учится вЪ Галлѣ. Матушкѣ моей она очень понравилась, и не менѣе и мнѣ, и она принадлежать будетЪ впредь кЪ нашему обществу. —— Описать не возможно, сколь много почитаютЪ и любятЪ родителя моего всѣ его служители. Точно такЪ какЪ ГубертЪ, и всѣ его гусары. Но ахЪ! онЪ и достоинЪ того; сей добродушной! и столько достоинЪ любимЪ и почитаемЪ быть, сколько можетЪ только достойнымЪ того быть человѣкЪ на свѣтѣ.

Теперь провождаемыя господиномЪ Визенау исходили мы весь замокЪ. Весь онЪ расположенЪ изящно, и всѣ комнаты вЪ немЪ покойны, но только кажутся

мнѣ убраны и украшены не много съ излишкомъ. Я удивляюся сему, а особливо въ разсужденіи человѣка не имѣвшаго до сего у себя ни супруги, ни семейства.

Садъ, находящейся позади замка, великъ и прекрасной, а прочія составляютъ наиболѣе овощные огороды. Всѣ принадлежащія къ замку строенія находятся въ наилучшемъ состояніи. —— Всѣмъ хозяйствомъ управляетъ господинъ Визенау, и столь порядочно, сколько можно ожидать отъ мужа толикой опытности разума и вникновенія. —— Селеніе велико, и всѣ обитатели онаго живутъ въ цвѣтущемъ состояніи.

Ну, подлинно можно сказать, любезные родители, что написала я письмо прямо длинное. Оно первое изъ здѣшняго мѣста, а я хотѣла однимъ разомъ все то вамъ пересказать, о чемъ хотѣлось бы мнѣ, чтобъ вы знали. Я прошу васъ, дражайшіе родители, о продолженіи ко мнѣ вашей отеческой и материнской любви по всегдашнемъ вашемъ благословеніи, а моя драгоцѣнная должность будетъ пребывать на вѣки вашею, и прочая.

Р.

P. S. О доставленіи приложенныхъ при семъ писемъ, къ старому господину Вернеру, и въ армію къ моему родителю, прошу приложить стараніе.

2.

Вильгелмъ Визенау къ Магору Фолкмару.

Хотя ты послѣдняго письма моего можетъ быть и не получилъ еще, но я имѣю опять уже много, и съ лишкомъ много такова, о чемъ мнѣ къ тебѣ писать усердно хочется. И такъ не могъ того оставить и отложить до другаго случая. О какъ полно теперь мое сердце! дражайшей Фолкмаръ! какъ преизбыточно наполнено оно радостными стремленіями! драгоцѣнный другъ! коль блаженнымъ сдѣлалъ ты твоего Визенау чрезъ небесное общество, которымъ ты его ощастливилъ! твой замокъ сдѣлался нынѣ блаженнымъ обиталищемъ Ангеловъ, а посредѣ ихъ живетъ другъ твой. Позавидуй ему, онъ достоинъ того: ибо блаженство его неописанно, и радостнѣйшихъ дней не видывалъ онъ въ жизнь свою.

О милой и любезной гусарЪ! сколь любви достойна твоя супруга! удачнѣе не можно было моему другу выбрать, и довольнѣе своимЪ выборомЪ не можно ему быть никогда; всѣ твои описанія о семЪ Ангелѣ слабы, томны и вовсе ни кЪ чему и ни во что не годятся. Я хотя и часто оплакивалЪ сЪ тобою потеряніе твоей возлюбленной, но никогда не похвалялЪ безпрерывной твоей печали, которую почиталЪ я непомѣрною, но нынѣ, какЪ я ее самЪ, и всю неоцѣненность ея изЪ обхожденія сЪ нею самолично, узнать имѣлЪ щастіе, нынѣ драгоцѣнной ФолкмарЪ, отдаю тебѣ вЪ томЪ справедливость, и прошу мнѣ отпустить, что я тебя тогда обвинялЪ, и не право о тебѣ судилЪ и мыслилЪ.

Такой же АнгелЪ, и столь же любви достойна, какЪ мать, и Генріетта твоя. О какЪ я проклиналЪ кровожаждущее чудовище, разорительную войну, какЪ проклиналЪ я ее когда исторгла она тебя изЪ обЪятій моихЪ: но безЪ нее, и безЪ похода твоего вЪ Шлезію, не имѣлЪ бы ты своей любви достойной супруги, и не былобЪ у тебя возлюбленной твоей дочери, а я оплакивалЪ бы здѣсь во уединеніи лишеніе моего друга.

Спа-

Станемъ же теперь, любезной Фолкмаръ, неумолкно прославлять премудрые и непостижимые пути святаго Провидѣнія! часто и довольно долго допускаетъ Оно насъ бродить въ темнотѣ яко слѣпцамъ, но наконецъ и равно, какъ нечаянно, обрѣтаемъ мы путь, тьма примѣтно изчезаетъ, становится вокругъ насъ свѣтло, и мы находимъ наконецъ щастіе, котораго величина превосходитъ всякое ожиданіе наше.

Еще и по нынѣ съ удовольствіемъ читаю я тѣ письма, въ которыхъ описывалъ ты мнѣ Генріетту, когда еще не зналъ, сколь много ты щастливъ. Признаюсь, что странна и непонятна мнѣ была особливаго рода любовь твоя къ сей дѣвицѣ. Когда же дохожу потомъ до радостной минуты узнанія оной, читаю нѣжныя называнія ея дочерью, вижу тебя нашедшимъ паки твою оплакиванную супругу, и вижу себя нынѣ столь щастливымъ, что обѣихъ сихъ достойныхъ предметовъ твоей любви при себѣ имѣю; то, о Фолкмаръ! какъ наполняется сердце мое удивленіемъ премудрой благости Господней, и какія блаженныя ощущенія разливаются по всей восхищенной душѣ моей.

 На-

Надобно бы сдѣлаться тебѣ отцомъ во всемъ завидованія достойнымъ, надлежало присовокупиться къ тому третьему любви достойному творенію природы. —— Неложно, Фолкмаръ, твой сынъ, цвѣтущей, прекрасной, добронравной Вернеръ, есть любви достойной юноша; какова крѣпкаго онъ сложенія, какъ здоровъ и веселъ, какъ тихъ, кротокъ и добронравенъ онъ. Нѣтъ, нѣтъ, фамилія твоя поступитъ весьма несправедливо, естьли будетъ порочить соизволеніе твое на бракъ сей; не дворянинъ хотя онъ родомъ, но весьма многимъ благородствомъ душевнымъ, благородными расположеніями мыслей, и дѣйствительно благороднымъ характеромъ одаренъ сей юноша отъ природы, и я отъ искренняго сердца похваляю, и одобряю твой выборъ мужа для прекрасной твоей дочери, и поздравляю тебя съ онымъ.

Я, я, которой щастіе имѣетъ наслаждаться нынѣ ежедневно обхожденіемъ съ ними, есмь свидѣтелемъ и очевидцомъ ревностнымъ его стараніямъ, дѣлаться любви ея съ каждымъ днемъ достойнѣе.

О Фолкмаръ! когда будемъ мы щастливыя здѣсь, ту радость имѣть, чтобъ по-

посредѣ насъ видѣть тебя, мой любезной! Всемогущей защити тебя непроницаемымъ щитомъ своея благости, и доведи вскорѣ здравымъ и благополучнымъ въ наши объятія! Сіе есть общее всѣхъ насъ, и ежедневное желаніе, желаніе первое и знаменитѣйшее изъ всѣхъ. Естьли оно услышано будетъ, какъ я уповаю, то, о другъ драгоцѣнной! какія небесныя радости ожидаютъ тебя здѣсь! въ какомъ блаженствѣ, и коль сладко будетъ протекать жизнь твоя, жизнь щастливѣйшая на свѣтѣ, и какъ станешь ты посредѣ щастливыхъ являть себя наищастливѣйшимъ изъ всѣхъ.

Не проси меня никакъ болѣе о попеченіи твоемъ, о благоденствіи и веселіи фамиліи твоей, ежелибъ я и не столь великимъ другомъ тебѣ былъ, каковъ есмь, то самоличное бы каждаго изъ нихъ достоинство, и самоличная каждаго изъ нихъ добродѣтель сталабъ повелѣвать мнѣ напрягать всѣ силы мои къ сдѣланію жизни ихъ столь пріятною и радостною, сколько дозволить только могутъ здѣшнія обстоятельства.

Всѣ твои добродушные подданные и всѣ твои служители любятъ и почита-

ютъ дорогихъ пріѣзжихъ. Нашъ старой Герой, почтенной Греберъ, имѣетъ щастіе фаворитомъ быть. Я не могу тебѣ сказать, сколь много всѣ его любятъ: но преимущественно предъ всѣми оказываетъ знаки ему Генріетта. Старикъ совсѣмъ опять ожилъ, повеселѣлъ и сдѣлался словохотенъ. Вино, кофей, и другія сладкія ѣства, которыя онъ до сего ни во что ставилъ, принимаетъ нынѣ онъ охотно и пьетъ и ѣстъ со вкусомъ и удовольствіемъ изъ рукъ Генріетты. А почитаетъ его весьма и молодой Вернеръ. Они называютъ его охотно избавителемъ ихъ любезнаго родителя; и тогда улыбаяся потираетъ онъ по своимъ сѣдымъ усамъ, и обращаетъ очи свои съ радостнымъ взоромъ на небо. ——

Болѣе сего теперь я къ тебѣ не пишу, ибо чего не достаетъ, то усмотришь ты изъ писемъ твоей супруги и дѣтей. Удостовѣрь себя о всеобщей нашей къ тебѣ любви и о усерднѣйшемъ насъ всѣхъ желаній, чтобъ ты находился благополучнымъ, и почитай меня навсегда своимъ, и прочая.

3.

Унтеръ-Офицеръ Губертъ къ отставному Унтеръ-Офицеру Греберу.

Ну, вотъ, вотъ старая честная усачина, вотъ тебѣ и Губертъ. — Ты негодовалъ не бось на то, что Губертъ позабылъ уже что обѣщалъ къ тебѣ писать о войнѣ? Винюсь: но какъ быть! и Губертъ человѣкъ и можетъ позабыть что обѣщаетъ. Однако оставь ты мнѣ это, любезной Греберъ, мнѣ не можно было писать до сего времени, а теперь уже пойдетъ дѣло, нужно сдѣлать начинъ. — Но Господу Богу извѣстно, сколько времени пропишу я это письмо и могу ли его окончить. Нѣтъ у насъ ни отдыху, ни покоя. Думаешь что завтра будешь стоять здѣсь или тамъ, а вмѣсто того очутишся за нѣсколько миль либо впередъ, либо въ сторону, и всякой разъ съ саблею въ рукахъ, и по большой части окровавленною. Что? старой левъ! не бось ты охотно сіе слышишь? и можетъ быть желалъ бы и самъ еще притомъ быть. Но тише разъ, и сидика ты себѣ спокойно тамъ на мѣстѣ, все не такъ

 уже

уже какъ доселѣва было. Трудныя шестьдесятъ семь лежащія у меня на хрипѣ гнѣтутъ дьявольски меня къ землѣ: и старое тѣло не хочетъ уже болѣе переносить всего попрежнему; но дьявольское и дѣло у насъ нынѣ.

Ну, теперь о войнѣ! —— Начать надобно мнѣ вступленіемъ нашимъ въ Богемію. Слышь, старой! оно было такъ мирно какъ никогда не бывало. Мы изготовились было къ самому горячему завтрику, но и полдни наступили, а мы были еще тощи. Къ удивленію нашему, не было тамъ ни егеря, ни собаки: и мы сколько ни звали въ рогъ на охоту, но не было и духу.

Наконецъ около полденъ блеснуло предъ нами. Пошелъ! закричали мы и пустились. Но слышь старой, побѣжали отъ насъ какъ овцы! кой чортъ! говорили мы тогда старики, или уже нѣтъ прежнихъ Цесарскихъ гусаръ? Молодые же ребята ругали ихъ и ярились какъ юные львы.

Въ тотъ день не было ничего. Армія вступила въ лагерь, а мы, куда слѣдовало, на форпосты. Кой гдѣ и кой когда появлялись сверкачи, оглядывали насъ любо-

любопытно, но не успѣемъ показаться, какъ сверкачей нашихъ какъ не бывало. Ето будетъ ладно, думалъ я. Здѣсь мы скоро далеко заѣдемъ, но можноль было думать, что скрывалось подъ тѣмъ? Поутру на другой день увидѣли мы предъ собою полисадами установленной, шанцами и глубокимъ рвомъ окопанной, и какъ дьяволъ крѣпкой лагерь, и въ немъ всю огромную Цесарскую армію. Какъ бы ты думалъ Греберъ! не досадное ли было ето зрѣлище? — Кой чортъ! думалъ я тогда, етова они никогда прежь сего не дѣлывали. Съ неприступныхъ почти горъ мы ихъ хотя и сганивали, но поле они все таки выдерживали.

Ну, что дѣлать? перемѣнить было не чѣмъ. На другой день поутру рано было нѣчто. — Насъ атаковали, но и самое нападеніе ихъ на наши малые посты не приносило имъ чести, потому что напали они несравненно въ множайшемъ числѣ. Не видишь ли старой, что были мы еще старые Прусаки? Мы не только устояли на мѣстѣ, покуда получили небольшое подкрѣпленіе, но и прогнали тогда ихъ и назадъ еще, и взяли нѣсколько плѣнныхъ. Правду сказать, было ихъ не

не много: но по крайней мѣрѣ были они первые плѣнные приведенные нами. И о Фолкмаровѣ эскадронѣ стали вездѣ говорить.

Насъ смѣнили, и постъ пріумноженъ. Въ послѣдствіи было кровопролитнѣе. Король рекогносцировалъ непріятельской лагерь. Четыреста человѣкъ нашего полку и другая кавалерія, подкрѣпляемая издали баталіономъ пѣхоты, составляли его прикрытіе. Мы ѣхали кучками впереди, и та кучка, въ которой былъ я, и которою нашъ Маіоръ самъ предводительствовалъ, была изъ одного лѣску многочисленною гусарскою и кавалерискою партіею сильно атакована, а притомъ надоедала намъ еще стрѣльба Шарфшицовъ и Пандуровъ. Но наши кучки соединились скоро вмѣстѣ, и мы при глазахъ Королевскихъ врубились въ нихъ такъ какъ лучше требовать не можно. Лѣсокъ надлежало очистить. Королю хотѣлось ѣхать сквозь оной, но тутъ тобы ты Греберъ посмотрѣлъ, какъ смѣшно было когда мы въ оной въѣхали —— Какъ они бѣжали и отъ насъ пылили. Я ей, ей, принужденъ былъ смѣяться: но продолжалось не долго, скоро смѣхъ мой претворился въ дьявольское оханье.

По

По ту сторону лѣсочка были гладкіе луга, и прекрасная чалая лошадь мелькающая предо мною сквозь лѣсъ приманила меня къ себѣ. Я нашолъ одного заблудившагося молодаго Корнета и погнался за онымъ, но только что хотѣлъ схватить сего испужавшагося бѣдняка, какъ проклятая пуля треснула меня въ лѣвое плечо. Прахъ бы ее взялъ! какъ была она мнѣ досадна! молодчикъ отъ рукъ моихъ ускакалъ; а я, не смогшей уже тогда править своею лошадью, принужденъ былъ безъ добычи назадъ возвратиться.

Ну, старой! въ етотъ день посмотрѣлъ бы ты какъ мы хозяйствовали. Божусь тебѣ, что никогда не дрался я такъ храбро и не рубился жестоко. Но етому и натурально такъ быть надлежало. Не происходилоль сіе предъ глазами самаго Короля? Но какова же Короля? Естьли полно иной такой Король на свѣтѣ какъ нашъ? Да! Греберъ, клянусь тебѣ душою своею, что естьлибъ было у меня тысяча жизней, такъ всѣ бы я за него положилъ! но не подумай Греберъ, чтобъ мы за то и не награждены были? Я десять червонцовъ почелъ бы самою

дрянью

дрянью противЪ того награжденія, какое намЪ сдѣлано. Ну подумай себѣ! онЪ хвалилЪ насЪ вЪ слухЪ, и называлЪ бравыми гусарами; о какЪ надымалось тогда мое старое сердце, я не чувствовалЪ боли отЪ моей раны, и отдалЪ бы все, что есть у меня наилучшее, за то, чтобЪ дозволено было мнѣ тогда поцѣловать сапогЪ у его. Боже сохрани намЪ его! и когдабЪ только онЪ намЪ здравствовалЪ, а то будь хоть сатана со внучатами своими, такЪ и тѣхЪ прогонимЪ мы вЪ адЪ и вЪ преисподнюю. ТакЪ ли старой усачина? Не дѣльно ли я говорю?

Между тѣмЪ было однако дьявольское дѣло, что я раненЪ и принужденЪ былЪ ползать и кректѣть какЪ родильница. ГосподинЪ МаіорЪ, которому хотѣлось, чтобЪ я имѣлЪ покой, и скорѣе былЪ вылеченЪ, отослалЪ меня кЪ тому старому и добродушному Пастору, у котораго стояли мы предЪ выступленіемЪ арміи вЪ походЪ. Но тутЪ нашолЪ я изрядныя дѣла, а что такое, о томЪ и обо всѣхЪ происхожденіяхЪ вѣли расказать себѣ молодому Господину Вернеру, а здѣсь говорить о томЪ будетЪ пространно.

КакЪ

Какъ скоро могъ я рукою своею опять владѣть, то отправился къ полку. Я засталъ всѣхъ въ полной работѣ, и приложилъ тотчасъ къ томужъ и свои руки. Совсѣмъ тѣмъ въ немногіе тѣ дни, которые миновали съ моего пріѣзда, не произошло ничего знаменитаго, почему и мнѣ къ тебѣ писать болѣе не о чемъ, въ другой разъ болѣе. Будь здоровъ, старикъ милой, и поклонись отъ меня всѣмъ домашнимъ господина Маіора въ замкѣ.

4.

Маіоръ Фолкмаръ къ Вилгелму Визенау.

Оба твои послѣднія письма я, любезной Вилгелмъ, получилъ, и послѣднимъ въ особливости былъ обрадованъ. Правда, хотя я и напередъ зналъ, и полагалъ за достовѣрное, что моя любезная Люиза, и мои дѣти, скоро и безъ дальнаго труда пріобрѣтутъ себѣ твое благоволеніе; но образъ, каковымъ говоришь ты объ нихъ въ письмѣ своемъ, и похвалы, прилагаемыя тобою каждой изъ нихъ толь щедрою рукою, были мнѣ тѣмъ пріятнѣе,

нѣе, что происходили они отъ человѣка, коего остроуміе и глубокое вникновеніе мнѣ извѣстно, и о которомъ я удостовѣренъ, что онъ всякимъ ласкательствомъ яко подлостію гнушается.

Моя супруга и моя дочь достойны всей любви моей. Я хочу, чтобы зналъ сіе всякой, и я буду съ гордымъ сожалѣніемъ на каждаго изъ фамиліи моей взирать, кто довольно отваги имѣть будетъ при моемъ присутствіи поднимать предъ ними свой носъ и благородствомъ своимъ харахориться. Отъ моего брата я сего не опасаюсь. Онъ, какъ самъ ты знаешь, человѣкъ весьма разумной, имѣетъ мысли похожія во многомъ на мои, и предразсудки попираетъ охотно ногами. Въ старыхъ теткахъ въ К. . . . никогда пути многова не было. И угодно ли имъ то, или не угодно будетъ, для меня все равно, а въ прочихъ родственникахъ мнѣ и того меньше нужды.

Молодой Вернеръ, супругъ избранной моею дочерью, есть мой сынъ любезной, въ етомъ молодомъ человѣкѣ путь будетъ, и онъ и мнѣ и фамиліи моей послужитъ къ чести. Подъ предводительствомъ разумнаго и въ сельскомъ домостро-

строительствѣ весьма искуснаго отца сдѣлался онъ изряднымъ хозяиномъ, а подъ руководствомъ моего Визенау, по гибкому своему нраву, долженъ онъ сдѣлаться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ желалось бы чтобъ онъ былъ.

Такъ! драгоцѣнной Вильгелмъ, я признаюсь тебѣ охотно, что сердце мое влечетъ меня къ вашему щастливому обществу, и душа моя стремится къ вамъ, и вожделѣетъ возвращенія въ кружокъ моей любезной фамиліи. И, о! когдабъ ощастливила насъ благость Всемогущаго скорымъ миромъ! —— Но покуда война и мое здоровье продлится, до тѣхъ поръ не оставлю я арміи. Честь моя требуетъ сего. А какъ скоро заключится миръ, то пойду того часа въ отставку и удалюсь навсегда отъ шума большаго свѣта, для наслажденія себя лучшими и непорочнѣйшими радостями деревенской жизни.

О когдабъ блаженная сія минута скорѣе настала! Никогда трудности воинскія таковы чувствительны мнѣ не были, какъ нынѣ; правда, причиною тому и то, что уже и наскучило, и желается покоя, но сверьхъ того нахожусь я уже и въ такихъ лѣтахъ, въ которыя силы не

пріумножаются болѣе. Къ томужъ и походъ нынѣшняго лѣта соединенъ съ столь многими и досадными трудами и безпокойствами, какихъ ни въ какой войнѣ я не видывалъ. Даже до сего времени, нѣтъ у насъ ничего инаго, кромѣ одной гусарской войны. Вся тягость лежитъ на насъ, и не успѣешь что нибудь сдѣлать и подумать, что на нѣсколько времени останемся въ покоѣ, какъ новые труды и новое дѣло насъ къ себѣ паки призываетъ. Непріятель легкими войсками троекратно насъ сильнѣе. Всѣ его атаки и нападенія, которыми мы бываемъ почти всякую ночь обезпокоиваемы, (ибо днемъ сидитъ онъ въ своихъ шанцахъ, или уходитъ въ отдаленные лѣса и горы.) производятся несравненно въ превосходномъ числѣ. Правда, всѣми ими успѣваетъ онъ не много, и всякой почти разъ мы обращаемъ его въ бѣгство: однако много и мы отъ того терпимъ, и какъ люди, такъ и лошади выбиваются изъ силъ. —— То по крайней мѣрѣ неоспоримо, что мы превосходимъ его далеко во всемъ, что къ войнѣ принадлежитъ, по внутренней добротѣ. Множество его всего меньше принимается у насъ въ уваженіе,

есть-

естьли получитъ онъ столько отваги, чтобъ дать съ нами порядочной и честной бой, то вѣроятно что побѣда будетъ наша, а пораженіе ему ужасное.

При всемъ томъ долженъ я терпѣнію и непоколебимому постоянству бравыхъ моихъ гусаръ удивляться: ни одного не вижу я скучающаго, ни отъ единаго не слышу роптанія, и ни чему иному какъ сему терпѣнію и охотѣ ихъ обязанъ я благодарностію за то, что по сіе время удавалось мнѣ каждое предпріятіе мое. Еще и третьяго дня имѣли мы кровопролитную схватку. Она была для насъ щастлива, и мы въ самое то время возвращались съ нарочитымъ числомъ плѣнныхъ, какъ случилось Королю сквозь лагерь ѣхать. Я долженъ былъ донесть ему подробно обо всемъ произшествіи сего дѣла, и о успѣхѣ моего предпріятія. Милостивой его взоръ, похвала произносимая изъ устъ Королевскихъ, его въ слухъ сказанное браво! —— о Визенау! какое награжденіе за исполненную должность! въ таковыя сердце поражающія минуты мнилъ каждой изъ моихъ гусаръ быть непобѣдимымъ героемъ: и естьлибъ онъ въ такое время сказалъ

возмите мнѣ приступомъ шанцы, или сорвите долой сію и сію взгромощенную батарею, мы бросились бы всѣ и приступилибъ до тѣхъ поръ, покуда полеглибъ всѣ на мѣстѣ.

Вотъ такъ-то у насъ происходитъ, любезной Вильгелмъ, однако миръ въ тысячу разъ лучше щастливѣйшей войны. Онъ былъ бы лучше и для лаврами увѣнчанныхъ сѣдинъ нашего побѣдоноснаго и состарѣвшагося Монарха. Лѣта его достигли до глубочайшей старости, а труды его неизреченно велики. Посредѣ шума, звучащаго другъ противъ друга оружія, онъ вкупѣ и величайшей Полководецъ и превеликой Политикъ и Министръ, во всемъ съ доказательствами удивительной и увышенной премудрости. Не должно ли по истиннѣ ужасаться? При всемъ тѣмъ находится онъ въ совершенномъ здоровьѣ, и силы его не согласуются съ годами. Шесть часовъ, или болѣе съ ряду, при всякой погодѣ и ничего въ пищу и питье не употребляя, сидѣть на лошади, и съ смѣлою неустрашимостію подъѣзжать къ непріятельскому лагерю, и не рѣдко при такихъ случаяхъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ храбрости сво-

своихъ войскъ при кровопролитныхъ сраженіяхъ, не сущая ли рѣдкость? совсѣмъ тѣмъ мы такъ уже къ тому привыкли, что едва и говорятъ о томъ.

Время и обстоятельства принуждаютъ меня пресѣчь мое письмо, и въ разсужденіи нуждъ, касающихся до моей фамиліи, сослаться на приложенное здѣсь письмо къ женѣ моей; я есмь..и прочее.

5.

Генріетта къ Пастору Ульриху.

Письмо отъ васъ и вложенное приономъ отъ любезнаго господина Вернера мы получили исправно. Сколь благодарна я вамъ любезные родители за письменное доказательство вашей продолжающейся ко мнѣ любви, за искренніе ваши пожеланія намъ благъ, и за посланное къ намъ ваше отеческое всего намъ драгоцѣннѣйшее благословеніе. Всемогущій награди васъ за все сіе! сохрани васъ здравыми, даруй вамъ наиспокойнѣйшую старость.

Мы всѣ здѣсь живемъ такъ весело и такъ благополучно, сколько вы намъ

пожелать только можете. Хозяйственныя дѣла и упражненія, и частыя посѣщенія отъ сосѣдей, хотящихъ насъ иногда видѣть изъ единаго любопытства, занимаютъ наше время и не допускаютъ насъ до скуки. Многіе изъ сосѣдственнаго дворянства суть истинные друзья достойному моему родителю; многіе другіе завидуютъ ему, а есть нѣкоторые, кои почти не достойны того, чтобъ быть знакомыми ему. Обо всѣхъ ихъ имѣли мы уже понятіе по описанію, сдѣланному намъ господиномъ Визенау, и знали ихъ прежде еще пріѣзда ихъ. Сіе сдѣлало насъ въ состояніи принимать и обходиться со всякимъ изъ нихъ по достоинству.

Не угодно ли вамъ будетъ описаніе одного такова посѣщенія? Въ минувшую пятницу прислалъ къ намъ господинъ *Шарфусъ*, прегордой и высокомѣрной дворянинъ, и его высокоблагородная госпожа супруга наиспѣсивѣйшая дура изъ К... человѣка съ увѣдомленіемъ, что они къ намъ прибыть изволятъ. Ну, госпожи! сказалъ намъ господинъ Визенау, извольте только готовиться и ополчаться. Вамъ дадутъ уже изрядно почувствовать то, что отважились вы взять себѣ въ голову

имѣть

имѣть дворянина супругомъ и отцомъ. — Я положила твердо послѣдовать его совѣту, а подбила и моего Карла подкрѣплять меня въ томъ. Въ три часа по полудни прискакали они въ замокъ. Господинъ Визенау и мой мужъ встрѣтили ихъ при порталѣ замка, а мы при дверяхъ залы. Вшествіе ихъ было довольно сносно, а были только мы съ ногъ до головы и то непрямымъ лицомъ, а стороною обозрѣваемы. Я сдѣлала тоже.

Госпожа Шарфусъ. Что сударыня, не бось домикъ здѣшней вамъ довольно хорошъ показался? но великая перемѣна обстоятельствъ безсомнѣнно для васъ очень нова и необычайна.

Господинъ Шарфусъ. О! объ етомъ что сомнѣваться: но привыкнуть ко всему можно, а къ хорошему всего прежде.

Господинъ Визенау. Госпожѣ Маіоршѣ пребываніе и жилище здѣшнее, Милостивая Государыня, очень нравится, я имѣю щастіе быть самъ тому очевиднымъ свидѣтелемъ.

(Она взглянула на него со взоромъ изъявляющимъ удивленіе о словцѣ Милостивая Государыня).

Матушка. Я подтверждаю слова господина Визенау. Тишина сего мѣста, и уединеніе, въ какомъ здѣсь препровождаю время, имѣетъ въ себѣ много для меня прелестнаго; кое когда небольшой вѣтерокъ съ наружи прочищаетъ воздухъ.

Госпожа Шарфусъ (опустивъ голосъ ниже). А вамъ, мое дитя, каково здѣсь нравится.

Я. Чрезвычайно хорошо, сударыня; батюшка изволилъ приложить стараніе о томъ, чтобъ мы могли здѣсь весело и благополучно жить.

Карлъ. Сударыня! мнѣ кажется, что вы принимаете великое соучастіе въ благоденствіи нашемъ: мы вамъ за сіе очень обязаны.

Госпожа Шарфусъ. Конечно! государь мой!

(Съ презрительнымъ взглядомъ).

(Она оборотилась къ своему мужу, и сказала ему по Французски: Изволь смотрѣть етова глупаго выблядка: она называетъ меня сударынею, конечно потому, что я такъ назвала мать ее; или ето отъ того, что она не видала свѣта).

Я (къ господину Визенау по Французски). Сія госпожа ругается очень по мѣщански: конечно живетъ она въ К. . . . неподалеку отъ рыбнаго рынка.

Не успѣла она услышать говорящею меня по Французски, и выразумѣть содержаніе словъ моихъ, какъ закраснѣлась вся какъ сукно красное. Стыдъ и смущеніе ее было такъ велико, что не могла она болѣе ни одного слова выговорить, но замолчавъ отошла и стала у окошка. Ее господинъ супругъ не разсудилъ также заблаго сказать что нибудь на то въ отвѣтъ, и какъ чрезъ то произошло между всѣми нами молчаніе, то завелъ господинъ Визенау рѣчь о другой матеріи. Однако госпожа Щарфусъ не могла никакъ совершенно оправиться, и какъ я въ етотъ день чрезвычайно была весела и дала волю всей своей злости и плутовству, то пускала иногда въ высокомѣрныхъ гостей своихъ такія острыя стрѣлы, что матушка не однажды унимала меня отъ того взглядами, а они заблагоразсудили, съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, уѣхать отъ насъ очень рано. Теперь хотѣлось бы мнѣ знать пріѣдутъ ли они въ другой разъ?

Матушка тазала меня потомъ за мою невоздержность, каковою она сіе называла, но я защищалась словами того Философа, которой говорилъ: „ отвѣтствуй „ дураку сходственно съ его дурачествомъ, „ дабы не мнилъ онъ себя быть умнымъ.

Отъ любви достойнаго мужа изъ арміи, отъ моего почтенія достойнѣйшаго отца, получили мы наинѣжнѣйшія отвѣтныя письма. Я думаю, что нѣтъ и быть не можетъ на свѣтѣ супругъ нѣжнѣе сего, и отецъ болѣе любви къ своимъ дѣтямъ имѣющей; въ особливости же утѣшительно для насъ одно мѣсто въ письмѣ господина Визенау. Тотчасъ по окончаніи войны хочетъ онъ пойтить въ отставку и жить вмѣстѣ съ нами и посредѣ насъ. Ахъ когдабъ оно уже наступило сіе вожделѣннѣйшее время! Никогда думаю я жаждущей не вожделѣлъ такъ воды, какъ я теперь блаженнаго мира. И когдабъ Всевышній до того времени сохранилъ намъ его здравымъ и благополучнымъ.

Мой любезной Карлъ цѣлующей заочно у васъ руку, продолжаетъ быть нѣжнымъ и любовію ко мнѣ преисполненнымъ супругомъ, и я не имѣю причинъ опасаться чтобъ онъ когда и пересталъ быть тако-

ковымЪ. ОнЪ любимцемЪ у господина Визенау, и вЪ замкѢ нашемЪ, и во всемЪ селенiи, прiобрѢлЪ себѢ отЪ всѢхЪ любовь и благосклонность.

Матушка моя препоручаетЪ себя вашему драгоцѢнному дружеству, а я есмь:

6.

ГубертЪ кЪ старому Греберу.

Неожидаемой покой, хорошая квартира и удобной случай, найденной мною здѢсь, не могу я вЪ лучшую пользу употребить, какЪ для сдѢланiя тебѢ старому радости и удовольствiя, чрезЪ написанiе письма кЪ тебѢ; таково хорошо давно уже мнѢ не было, какЪ было вЪ минувшую ночь и сегодни. Насилу однажды выспался сколько душа хотѢла, и наѢлся и напился себѢ досыта, а и денежки вЪ карманѢ водятся! все ето, старой, какЪ ты самЪ знаешь, передѢлываетЪ нашего брата старика совсѢмЪ снова, придаетЪ ему новыя силы и бодрость.

ВпрочемЪ у насЪ все еще старое по старому, а вновь ничего! все еще одна гусарская война, сЪ подбавкою нѢсколько

нѢхо-

пѣхоты, но важнаго мало, а главнаго дѣла ничего. Они стоятъ тамъ передъ нами окопавшись и замуравившись, а отецъ Фрицъ помышляетъ съ нами отечески и не хочетъ бравыхъ дѣтей своихъ отдать на жертву; но когда нибудь авосьлибо выдутъ же они вонъ, и тогда, ну! ты самъ знаешь что? рубачь старой!

Два дни спустя послѣ моего письма была у насъ травля, которая для насъ, а особливо для меня, была очень удачна. За полмилю отъ насъ стоялъ непріятельской гусарской постъ, которой насъ безпрерывно обезпокоивалъ своими подъѣздами. Господинъ Маіоръ отдѣлилъ отъ себя Порутчика съ 60 человѣками и отправилъ въ сторону, дабы они окружною дорогою заѣхали имъ въ тылъ, а самъ съ часъ спустя послѣ того времени пошолъ прямо на нихъ. Малое наше число вложило имъ отвагу и смѣлость дождаться нашей атаки; мы остановились въ нѣкоторомъ отдаленіи, но не успѣли мы примѣтить между ими нѣкоторое безпокойное движеніе, какъ пустились во весь опоръ на нихъ.

Какъ щастливо удалось! въ самую ту минуту атаковалъ ихъ и Порутчикъ

съ

съ зади. И хотя были они и гораздо насъ всѣхъ сильнѣе, и могли бы съ обоими сладить, однако скоро пришли въ такое замѣшательство, что мы и первою атакою обратили ихъ въ совершенное бѣгство. Они пустились бѣжать во всѣ стороны и намъ осталось только за ними гнаться.

При семъ случаѣ удалось старому твоему Губерту схватить изрядной кусокъ. Одинъ отдѣлившейся отъ прочихъ Офицеръ, съ прекрасною своею лошадью, привлекъ мое вниманіе къ себѣ, я погнался за онымъ, и какъ онъ кругомъ и около себя повсюду нашихъ людей увидѣлъ, и не зналъ куда ему дѣваться, то догналъ я скоро его. Пардонъ! —— Такъ! пардонъ! прочь саблю и пистолеты! —— Онъ бросилъ ихъ на землю, и я схватилъ за узду его лошадь. Ну! —— И какъ онъ довольно разумѣлъ, что у меня на умѣ было, то выхватилъ онъ карманные свои часы и подалъ мнѣ. Что еще? —— А мошна гдѣ? и ее сюда. — Онъ пожалъ своими плечами, заговорилъ что-то по Венгерски, но замахъ саблею сдѣлалъ его послушливымъ. Онъ вытащилъ и мошну, и мнѣ ее подалъ. А! старой! какъ была она набита! я задер-

нулъ

нулЪ узелЪ, разрѣзалЪ его саблею, и отдалЪ половину ему назадЪ серебреными деньгами, а золотыя всунулЪ вЪ карманЪ.

ТутЪ поѣхали мы назадЪ. Плѣнныхъ было у насЪ 32 человѣка. КакЪ я Офицера моего сЪ рукЪ сталЪ отдавать, то пожалЪ онЪ мнѣ руку и сказалЪ: ты бравой человѣкЪ; я радуюсь сердечно, что тебѣ, а не иному досталась добыча.

Ну, послушай ГреберЪ, шестьдесятЪ два прекрасныхЪ червонца и еще нѣсколько золотыхЪ монетЪ, которыхЪ я почти и не зналЪ, не изрядной ли кусокЪ? Но наилучшее изЪ всей добычи была лошадь. Прекрасная украинская, баска какЪ дьяволЪ, и разумѣетЪ всю екзерцицію какЪ лучше желать не можно. Я удержу ее для себя, потому что моя стала уже не надежна.

Ну, порадуешся ли ты старой, удачѣ моей? Я радовался неменѣе какЪ и ты, когда удалось тебѣ вЪ прежнюю войну при Лигницѣ чемоданЪ вЪ добычу получить, тогда подѣлился ты со мною изрядно: а теперь подѣлился бы и я сЪ тобою, но ты сидишь вЪ теплѣ и тебѣ ничего не надобно. Слышь,

Слышь, старой! нашъ благодѣтельной господинъ Маіоръ обѣщалъ мнѣ, чтобъ тогда, какъ ты отправишся на тотъ свѣтъ, отдать бы мнѣ твое кормовое жалованье, и жить бы мнѣ у него на твоемъ мѣстѣ. Старъ ты и очень уже старъ, ето правда, и естьли вздумаешь около того времени опочить, какъ у насъ миръ будетъ, то пожелалъ бы я тебѣ вѣчной покой и царство небесное, гдѣ говорятъ жить очень хорошо. Однако ты не будешь столь глупъ милой старина, чтобъ почесть слова сіи правдою. Нѣтъ, нѣтъ, живи себѣ, живи, и живи такъ долго, покуда тебѣ твой Богъ велитъ. Мнѣ надобно тебя застать еще въ живыхъ, и вечерокъ другой третей, препроводить съ тобою въ разговорахъ о войнѣ; когда же придетъ твое время и ты уснешь, то сдержу я мое обѣщаніе, сведу тебѣ глаза, провожу тебя до могилы и омочу слезами дружбы тотъ бугорокъ, подъ которымъ твой прахъ опочивать будетъ, а до того времени будь здоровъ и веселъ. Сего желаетъ тебѣ отъ искренняго сердца твой.

и прочая.

7.

Старой Гребер̌ къ Маіору Фолкмару.

Нѣт̌, не льзя обойтиться, как̌ ни трудно по моим̌ худым̌ глазам̌ мнѣ то будет̌, но принужден̌ старому стѣсненному сердцу сдѣлать отраду, и к̌ вам̌ хотя однажды описать. Мог̌ ли я когда нибудь того уповать, чтоб̌ при глубокой моей старости я столь щастлив̌ был̌, каковым̌ теперь сдѣлался. О ты! Боже милосердый! Ты допустил̌ меня видѣть супругу и дѣтей величайшаго моего благодѣтеля. Буди Тебѣ благодареніе за сію ниспосланную мнѣ радость!. Ну! теперь насладился я на твоем̌ свѣтѣ всѣм̌ тѣм̌, что щастіем̌ называется, и насладился болѣе нежели ожидать мог̌.

Бог̌ вам̌ свидѣтель! господин̌ Маіор̌, она достойна была того, ваша супруга, что мы тогда так̌ много плакали об̌ ней, как̌ почитали ее погибшею. Ей! ей! хотяб̌ сожительницу себѣ вы с̌ самаго неба привезли, но не нашли бы вы лучше етой. Ну! буди же благодареніе Богу за все учиненное им̌.

Какой

Какой же ангелЪ, молодая боярыня! о какой щасшливой вы отецЪ! мое сердце радуется тому несказанно, и даруй Небо вамЪ всякое благополучіе сЪ ними, я такЪ часто во всю жизнь мою не плакивалЪ, какЪ принужденЪ дѣлать нынѣ отЪ радости. ПосмотрѣлибЪ вы, господинЪ МаіорЪ, какЪ милые сіи ангелы, ваша дочь и вселюбезнѣйшей юноша, вашЪ зять, ходятЪ вокругЪ меня, какЪ меня лелѣютЪ, кормятЪ, какЪ пекутся обо мнѣ престарѣломЪ человѣкѣ, заставляютЪ разсказывать о войнѣ, и называютЪ меня милымЪ отцомЪ своимЪ. Не долженЪ ли я притомЪ отЪ радости плакать какЪ робенокЪ? ей! ей! мнѣ такЪ хорошо, какЪ бы я былЪ уже на небѣ. Заплати и воздай имЪ БогЪ за все сіе, и нынѣ здѣсь, и тамЪ во вѣки.

Я хотя совсѣмЪ готовЪ уже кЪ смерти, и столько старЪ, что умереть уже и пора, но сЪ того времени, какЪ узналЪ я вашу фамилію, имѣю я ко Господу Богу особливую прозьбу. Я прошу и молю Его ежедневно, чтобЪ далЪ ОнЪ мнѣ дожить до той радости, чтобЪ увидѣлЪ я васЪ посредѣ сихЪ вашихЪ возлюбленныхЪ родныхЪ. —— Силы мои совсѣмЪ возобно-

вились и я пободрѣлъ, и имѣю надежду, что Онъ моленіе мое услышитъ. О когда бы скорѣе сіе совершилось!

Губертъ два раза ко мнѣ писалъ; доброй старикъ причинилъ мнѣ тѣмъ много радости, но отвѣтствовать ему я не въ силахъ, глаза мои такъ слабы и одряхлѣвшія руки такъ трясутся, что я и сіе письмо писалъ два дни.

Укрѣпи же и сохрани васъ Всемогущій и доведи къ намъ вскорѣ здравымъ и благополучнымъ, дабы мы возрадовались и Его прославили и восхвалили!

и прочая.

8.

Губертъ къ Г. Визенау.

Ей! ей! и Богъ вамъ свидѣтель, что хотябъ касалось то и до злѣйшаго моего врага, о чемъ я къ вамъ писать буду, такъ и тогдабъ не могъ писать съ спокойнымъ духомъ. Ну, вотъ начинаю уже третей листъ, но не успѣю пера возложить, какъ лежитъ уже бумага такъ измоченая вся слезами, что ее бросить принужденъ.

О господинъ Визенау! нашъ милой и дражайшей Маіоръ, вотъ лежитъ онъ здѣсь въ другой горницѣ, и едва есть въ немъ дыханіе! —— Ахъ! мы всѣ, можно сказать, прямо нещастливы, здѣсь весь нашъ эскадронъ воетъ какъ бабы, а у васъ будетъ плакать и рыдать вся деревня! но хорошо, когдабъ помогло сіе! таковыми нещастными сдѣлалъ насъ вчерашней день.

Вчера послѣ половины дня случилось намъ имѣть весьма жаркую схватку съ непріятельскою партіею, которая была гораздо насъ сильнѣе. Мы дѣлали притомъ, что дѣлаемъ всегда. Мы дрались по старинному обыкновенію, какъ Прусаки: и наконецъ побѣдили, какъ Прусаки, но что мы потеряли и чего лишились притомъ, то самому Богу извѣстно.

Непріятель началъ уже подаваться назадъ, и сраженіе наклонялось уже къ окончанію, какъ четверо разъярившихся Австрійцовъ напали на господина Маіора. Онъ противился и оборонялся отъ нихъ столь мужественно, какъ левъ, и столь долго усидѣлъ на лошади, покуда не прискакалъ я съ однимъ изъ нашихъ гусаровъ и на нихъ не бросился. Въ одну

 мину-

минуту лежали они уже всѣ растянувшіеся на землѣ, но посредѣ ихъ, увы! свалился и Маіоръ нашъ съ лошади. Въ самое то время одержана побѣда, и погнались за непріятелемъ.

Ну! теперь самому Богу извѣстно, въ какомъ былъ я тогда состояніи. Во всю жизнь мою не бывалъ я въ такомъ смущеніи, и такъ горестію оглушенъ, какъ въ то время, когда увидѣлъ я сего мужа, лежащаго предъ собою всего окровавленнаго, съ закрывшимися глазами и поблѣднѣвшаго, какъ мертвой. Возвратившіеся изъ погони обстали вокругъ насъ, и ихъ вопль привелъ меня въ себя. — Что! —— онъ умеръ? —— вопіяли они всѣ: о Боже буди намъ милостивъ! теперь хоть дьяволъ побери насъ всѣхъ оставшихъ, когда хочетъ, хоть въ сей часъ.

О господинъ Визенау! весьма, весьма поразительно для сердца, когда такимъ образомъ цѣлая сотняга бравыхъ гусаръ съ окровавленными саблями, и текущею изъ ранъ ихъ кровію, стоятъ вокругъ убитаго и столь любимаго ими Офицера и объ немъ рыдаютъ. — Какъ трогаетъ и поражаетъ сіе сердце, того вы никакъ представить себѣ не можете.

Одинъ старой и бравой Унтеръ-Офицеръ, лежащей неподалеку отъ него и также плавающей въ крови своей, закричалъ намъ: Братцы, что поможетъ здѣсь плаканье и гореванье. Подавайте помощь и сыскивайте телегу. Можетъ быть онъ не совсѣмъ еще умеръ. Отвѣзите насъ отсюда. —— Мы послѣдовали тотчасъ его совѣту, и какъ случилась неподалеку деревня: то примчали мы изъ нее телеги вскорѣ. На одну изъ нихъ возложили мы его, а на другой повезли другихъ нашихъ тяжко раненыхъ.

Отъ трясенія телеги и отъ ѣзды онъ у насъ равно какъ пробудился, и раскрылъ глаза: но говорить былъ не въ состояніи. О Боже! какъ заревѣли всѣ мы отъ радости, какъ увидѣли, что еще живъ онъ. Всѣ толпились вокругъ его, всякой продирался сквозь другихъ его видѣть, плакалъ отъ радости и не помышлялъ о собственныхъ своихъ ранахъ. Мы отвезли его въ. . . .

По пріѣздѣ своемъ туда стаскали мы всѣхъ, сколько могли найтить, фелдшеровъ и лекарей, и велѣли перевязать ему раны.

И такъ, что не умеръ онъ еще и благодарить Бога живъ, ето правда; но останется ли въ живыхъ, о томъ Господу Богу извѣстно. Раны его отчасти опасны. Онъ прострѣленъ пулею сквозь лѣвое бедро, и порубленъ саблею повыше лѣваго уха, а другая рана саблеюжъ дана ему по затылку. Сія послѣдняя всѣхъ прочихъ опаснѣе, и ему отнесенабъ была совсѣмъ голова, естьлибъ не помѣшала много коса, и не ослабилабъ удара. Отъ истеченія многой крови онъ совсѣмъ въ изнеможеніи, а чувствуемая боль неизреченно велика. Правда, лекари не лишаютъ еще всей надежды, но сердце мое весьма, весьма замираетъ.

Вотъ вамъ вся печальная повѣсть! Теперь вы лучше моего сами знаете, какъ бы удобнѣе и лучше сообщить извѣстіе о томъ бѣдному его семейству. Въ томъ можете вы безъ клятвы повѣрить, что Губертъ не упуститъ ничего, чѣмъ только можетъ помочь его выздоровленію. Когдабъ можно было мнѣ спасти его своею кровію! —— Естьли же умретъ —— такъ прощайте на вѣкъ всѣ радости на свѣтѣ! Губертъ не долго будетъ его оплакивать. Однако о томъ не на-

надобно много говорить. Я ожидаю скораго вашего отвѣта и есмь.

9.

Вильгелмъ Визенау къ Маіору Фолкмару.

Ежели тебя письмо мое застанетъ еще въ живыхъ, то внемли бѣдной и нещастной Фолкмаръ, болѣзненное соучастіе, принимаемое неутѣшнымъ твоимъ другомъ, въ жестокой и достойной сожалѣнія твоей участи. Увы! вотъ то, чего я всегда опасался, зная твою ревность и усердіе къ Королю своему. —— И такъ надлежало наконецъ совершиться тебѣ, о ты печальное мое опасеніе! о другъ любезной, что терплю я, что терпимъ мы всѣ и какъ страдаемъ о тебѣ, того не можно изрещи, но дозволь престать приносить жалобы, дабы не оскорблять болѣе и твое бѣдное сердце и меня бы гнѣтущее бремя горести и печали не придавило совсѣмъ.

Пораженная горестію и печальная твоя фамилія знаетъ уже все происхожденіе дѣла и печальное состояніе, въ которомъ ты находишься. Она узнала о

томъ противъ хотѣнія моего и послѣдующее извѣстіе оправдаетъ меня въ томъ. —— Я получилъ страшное Губертово письмо въ самое то время, когда мы сидѣли за столомъ и обѣдали. Самыя первыя строки онаго въ состояніи были уже привесть меня въ примѣтное смущеніе. Я поблѣднѣлъ и рука моя затрепетала. Закричали всѣ, что мнѣ сдѣлалось? Но вмѣсто отвѣта, сложилъ я письмо, поклонился и пошолъ въ мою комнату.

Въ мигъ былъ уже молодой Вернеръ у меня. О Боже! вопіялъ онъ, что такое господинъ Визенау? Письмо ето отъ Губерта. Мы узнали его руку, она знакома намъ по письмамъ его къ Греберу: Сказывайте скорѣй, что такое? —— О! оставьте меня, отвѣтствовалъ я, всхлипывая отъ слезъ: Письмо ето не отъ Губерта. Ничего нѣтъ! —— Какъ ничего! а вы плачете? —— Въ сію минуту вырвалъ онъ у меня изъ рукъ письмо, и бросился въ другую комнату и заперъ за собою двери.

Минуты черезъ двѣ возвратился онъ назадъ, ринулся въ креслы, и устремилъ на меня неподвижно смутной взоръ. —— Не успѣлъ онъ увидѣть, что слезы текли

текли изЪ моихЪ глазЪ, какЪ потекли они и у него, и толь изобильно, что смочили все его лицо и грудь. ВЪ самое то время вошла вЪ комнату Генріетта. ВзорЪ на насЪ повергЪ ея вЪ ужасЪ и удивленіе. Великій Боже! возопила она, родитель мой скончался! она упала вЪ обморокЪ тутЪ, гдѣ стояла у двери.

Вошла ее мать, но вошла только за тѣмЪ, чтобЪ упасть подлѣ ея. О Боже! какЪ не разскочилось тогда сердце мое! вопль, поднятой мною, привлекЪ кЪ намЪ служителей. Я велѣлЪ мать и дочь отнесть вЪ ихЪ комнаты, поручилЪ стараніе обЪ нихЪ женщинамЪ, а самЪ возвратился кЪ молодому Вернеру.

Я прочелЪ ужасное письмо сЪ начала до конца. О буди благодареніе Богу! возопилЪ я. —— ОнЪ живЪ еще! —— бросился вЪ комнату госпожЪ и увѣрялЪ ихЪ всѣми клятвами на свѣтѣ, что супругЪ и отецЪ живЪ. Они требовали письма; тутЪ не помогали никакія отговорки. Я принужденЪ былЪ отдать имЪ оное, и оно было прочитано.

Тогда потекли слезы рѣками со всѣхЪ сторонЪ. Я хотѣлЪ было удалиться отЪ сего, сердце поражающцаго, зрѣлища, и вы-

 шелЪ

шелъ предъ замокъ. Но тутъ новое зборище горюющихъ предстало, всѣ отъ мала до велика изъ деревни, въ смѣшеніи съ служителями дома, стояли тутъ въ собраніи, ломали себѣ руки и выли во весь голосъ: ахъ онъ скончался, ахъ господинъ Визенау! онъ скончался, нашъ государь, нашъ отецъ и нашъ другъ! ахъ его нѣтъ уже въ живыхъ! —— нѣтъ, нѣтъ, кричалъ я изо всей имъ силы, онъ живъ, онъ тяжело только раненъ, но Божеская благость возвратитъ намъ его назадъ; подите по домамъ; вытье ваше умножаетъ только горесть въ замкѣ. Они пошли нѣсколько утѣшившись, а я возвратился назадъ.

Мы проплакали до самой ночи и разошлись въ рознь. Въ послѣдующее утро въ шестомъ часу вошолъ господинъ Вернеръ въ комнату мою совсѣмъ готовымъ къ путешествію. Въ сей часъ, въ сію минуту, говорилъ онъ мнѣ, ѣду я верьхомъ съ Іоганомъ въ К. . . . а тамъ возьму почтовыхъ и поскачу къ батюшкѣ. Я старался его уговорить, и отвлечь отъ сей ѣзды, въ которую положилъ я самъ отправиться, но ничто не помогало. Какъ сошолъ я внизъ, то госпожи съ такимъ

уси-

усиліемъ понуждали его скорѣе ѣхать, что я почелъ за излишнее и начинать говорить о томъ. Въ семь часовъ не было его уже въ замкѣ.

Всевышній! доведи его до тебя здравымъ и благополучнымъ; тебя же самаго подкрѣпи Онъ самъ, и услышь прошенія и моленія наши о твоемъ выздоровленіи! не отпускай, для Бога, стараго Губерта отъ себя; онъ будетъ для тебя то, что былъ прежде сего Греберъ, и прикажи ему писать ко мнѣ почаще: живи дражайшей Фолкмаръ и утѣшь насъ скорѣй, и въ первомъ еще письмѣ, извѣстіемъ, что тебѣ полегче.

10.

Тотъ же къ Губерту.

Какъ ты милой старикъ думалъ, такъ и сдѣлалось. Письмо твое поразило всѣ сердца наши и разрушило блаженство дней нашихъ. О! сдѣлай же насъ опять и щастливыми и пиши къ намъ скорѣе, что сожалѣнія достойному Маіору твоему стало легче. Я знаю, сколь много ты его любишь, и потому за излишнее почитаю про-

просить тебя о приложенiи возможнѣйшихъ старанiй о скорѣйшемъ излеченiи его, но о томъ прошу тебя, любезной Губертъ, пиши ты ко мнѣ, какъ можно чаще. Естьли же бѣдной раненой находится еще въ худомъ состоянiи, то не отдавай ему вложеннаго при семъ письма, и не прежде ему оное отдай, какъ по мнѣнiю твоему уже можно будетъ.

У командира твоего денегъ, надѣюсь, еще довольно; естьли же онѣ понадобятся еще, то нужно только отписать къ купцу. . . . въ Бреславль, такъ оной столько вамъ оныхъ доставитъ, сколько пожелаете.

Какъ ты письмо сiе получишь, то, надѣюсь, будетъ уже у васъ и молодой Вернеръ, и старанiя свои соединитъ съ твоими. Не упусти постараться, чтобъ лекари были хорошiе, и не жалѣй нимало издержекъ, а сколь скоро можно будетъ, отвези больнаго въ Бреславль. Я ожидаю отъ тебя хорошихъ извѣстiй и есмь.

И прочая.

11.

Генрiетта къ Пастору Улриху.

Дозвольте, драгоцѣнный отецъ, вашей горькой безутѣшной дочери поспѣшить

шить къ родительскимъ вашимъ персямъ и пролить слезы своея горести. Правда, заразившись ими будете и вы плакать, но ваши слезы будутъ одобрять сокрушеніе моего сердца, оправдать меня въ моей тоскѣ, грусти и печали, и хотя не утѣшатъ, но облегчатъ нѣсколько кровавую рану моего сердца.

Какъ хорошо и прелестно мечтала я себѣ о щастіи будущихъ блаженныхъ дней! но вотъ мечтаніе сіе и окончилось; почто должна была я, почто должна изъ блаженнаго сего сна проснуться, и узнать наистрашнѣйшее изъ всего, что могло произвести будущее?

Ахъ мой родитель! мой любезной родитель! совокупное моленіе всей о его здравіи и сохраненіи молящейся фамиліи не могло его сохранить. Смертельными ранами покрытой лежитъ онъ въ . . . . и можетъ быть уже наилучшая родительская душа теперь, когда сіе пишу, находится въ жилищѣ праведныхъ!

Вотъ наичувствительнѣйшая рана, какою только могло сердце мое уязвлено быть; а здѣсь нѣтъ утѣшителя, нѣтъ врача, могущаго врачевать душевныя раны. Моя бѣдная безутѣшная родительница

ница обливается слезами, запершись въ уединенной комнатѣ. Она бѣгаетъ; плачущей, горестію снѣдающейся и жалкой своей дочери утѣшать она сама не можетъ, и не хочетъ сама утѣшаемою быть. У Визенау сердце обливается кровію: онъ вознамѣривается внушать утѣшенія, но отъ рыданія слова въ устахъ замираютъ. Куда ни обращусь, повсюду вижу текущія слезы, вижу лица, объятыя горестію, и черты, изъявляющія сокрушеніе сердечное; смертельная тишина господствуетъ во всемъ замкѣ, и жилище мое теперь равно какъ посредѣ гробовъ въ склепѣ.

Переживу ли я ее, сію смертельную горесть? Будетъ ли слабое женское сердце, угнѣтаемое толь тяжкимъ бременемъ, имѣть довольно силъ къ пренесенію толь многихъ страданій. Не будетъ ли въ состояніи извѣстіе о кончинѣ меня вовсе умертвить? Ахъ! оно умертвитъ меня! сіе я ощущаю. Сей ударъ раздробитъ и сокрушитъ мое сердце. И благо мнѣ, благо будетъ, естьли воспослѣдуетъ сіе, тѣмъ пресечется горесть моя на вѣки, и я буду жить при родителѣ любезномъ. ——

О дражайшей отче! послѣдняя мысль для меня наиутѣшительнѣйшая изъ всѣхъ, бывшихъ въ головѣ моей во всѣ сіи четверо сутокъ. Слава Богу, что она мнѣ попалась, теперь я спокойнѣе.

* * *

Изнемогши отъ печали и обезсилѣвши совсѣмъ отъ плаканья, не могла я давича писать болѣе, а теперь не много отдохнувъ, стану продолжать далѣе.

Мой любезной Карлъ отправился въ первое утро по полученіи страшнаго извѣстія, сожалѣнія къ достойнѣйшему родителю. Всевышній! управи путемъ его, и дай, чтобъ онъ засталъ еще въ живыхъ любви достойнаго.

Старой добродушной Греберъ, угнѣтенной старостію и лишенный всѣхъ силъ, пораженъ паче всѣхъ симъ печальнымъ извѣстіемъ. Онъ ослабѣвъ совсѣмъ, лежитъ теперь въ постелѣ, и сильная печаль угрожаетъ совершеннымъ погубленіемъ его. Я не отваживаюсь навѣстить его: ибо воззрѣніе на меня умертвитъ его.

Матушки своей я съ самыхъ полденъ вчерашняго дня не видала. Она не пускаетъ никого къ себѣ, кромѣ госпожи Ерихъ, вдовы Пасторской. О! когдабъ могла

гла я теперь перелетѣть къ вамъ, и повергшись на колѣна ваши и на колѣна матушки, оплакивать горестную свою участь. Можетъ бы выплакала я нѣсколько облегченія и сколько нибудь покоя. —— Вотъ въ самую сію минуту пришли мнѣ сказывать, что старой Греберъ при послѣднемъ издыханіи и уже отходитъ.

* * *

Онъ отшелъ, и его уже нѣтъ стараго и почтеннаго старца! со вздохомъ о выздоровленіи моего родителя уснулъ онъ. —— Какъ завидую я сему блаженному! подвигъ свой онъ кончилъ, и теперь уже въ покоѣ. ——

Новой паки поводъ къ печали! онъ былъ моимъ любимцомъ, и разговорами его я часто утѣшалась. Опочивай съ миромъ достойной старецъ! душа твоя да водворится въ жилище радостей безконечныхъ!

* * *

Третьяго дня голова у меня такъ заболѣла, что я никакъ не могла писать долѣе; боль продолжалась безпрестанно и во весь вчерашней день, и такъ сего дня только начинаю продолжать письмо мое къ вамъ. —— Въ сей день послѣ обѣда

обѣда въ четвертомъ часу предано было тѣло любезнаго нашего старца землѣ. Всѣ наши служители и обыватели деревенскіе провождали гробъ его, и всѣ оросили оной своими слезами. Я поручила Господину Визенау заказать сдѣлать и поставить надъ могилою его надгробной камень и велѣть изобразить на немъ приключеніе при Фрейберхѣ. Онъ достоинъ сего, сей добросердечной, чтобъ сохранена была память объ немъ.

Какъ скоро получу я извѣстіе отъ моего мужа, то не премину васъ увѣдомить. Между тѣмъ пожалѣйте о вашей дочерѣ, пожалѣйте обо всѣхъ насъ, и будьте благополучны.

12.

Капитанъ Перегринъ изъ К. . . . къ Господину Визенау.

Извѣстно ли уже тебѣ, любезной Визенау, или я буду первой тотъ, отъ котораго услышишь ты нещастное извѣстіе? Ежели сіе послѣднее, то соберися съ духомъ, любезной братъ, и увѣдомь о томъ фамилію съ осторожностію. Сегодня около обѣда получилъ письмо я отъ Ротмистра

Петронела, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня между прочимъ, что нашъ другъ, добросердечной Маіоръ Фолкмаръ, отъ ранъ своихъ въ . . . . умеръ. Другое письмо изъ арміи подтверждаетъ также сіе извѣстіе. Я сожалѣю о семъ миломъ и добромъ гусарѣ, а того болѣе о бѣдной его вдовѣ и дочерѣ. Естьли могу я что нибудь пособить къ утѣшенію вашему, то прикажите мнѣ къ себѣ пріѣхать. Я есмь: и прочая.

13.

Господинъ Визенау ко попѣ Ерихъ.

Сердце мое такъ растерзано горестію, что я не въ состояніи говорить съ вами изустно, но принужденъ взять прибѣжище мое къ перу. Въ сію минуту получилъ я страшное извѣстіе изъ К... что нашъ добродушной Фолкмаръ отъ ранъ своихъ скончался. Я самъ нахожусь совсѣмъ не въ силахъ сообщить смертельное извѣстіе сіе горестной супругѣ и безутѣшной дочерѣ, но какъ необходимо надобно, чтобъ онѣ узнали о томъ прежде, нежели увѣдомитъ ихъ кто нибудь, и можетъ быть изъ К.... еще не-

неприготовленныхЪ: то возлагаю я сію печальную коммисію на васЪ. Вы не такЪ мало благоразумны, чтобЪ нужно было мнѣ васЪ просить о употребленіи притомЪ возможной осторожности, сами вы не упустите сего сдѣлать, и по вникновенію своему изобрѣтете и наилучшій и удобнѣйшій кЪ тому способЪ.

14.

Генріетта кЪ Пастору Улриху.

НаконецЪ онЪ грянулЪ, онЪ, ужасной громовой ударЪ, изЪ престрашной тучи, висѣвшей надЪ головами нашими, ужасно разсыпался онЪ посредѣ насЪ, и оглушивЪ насЪ поразилЪ всѣхЪ и повергЪ на землю. —— Сердце мое совсѣмЪ раздроблено. КакЪ ето можно, что я еще жива? о Боже! дай мнѣ слезы! дай мнѣ ихЪ: источи изЪ меня рѣки оныхЪ, или вели сей стѣсненной груди разорваться.

ОнЪ умерЪ! мой драгоцѣнной родитель! любви достойнѣйшій мужЪ! наинѣжнѣйшій изЪ отцовЪ! онЪ умерЪ! —— о почто я еще жива? Почто не соединена уже моя душа сЪ его блаженною душею?

Моя мать, моя бѣдная безутѣшная мать лежитъ также въ объятiяхъ смерти. О Боже! ну, естьли ты у меня и ее отнимешь и меня одну оставишь, что дѣлать мнѣ тогда съ жизнiю, которая для меня будетъ несносна.

Я не въ силахъ писать къ вамъ больше: но сiе малое не болѣе ли всего, что писала я къ вамъ во всю жизнь мою.

15.

Госпожа Шарфусъ къ Госпожѣ Фолкмаръ.

Моя Государыня!

Я должна вамъ признаться, что отъ знакомства, которое хотѣла я свести съ вами ономеднишнимъ прiѣздомъ, ласкалась я имѣть много удовольствiя себѣ, но нескромное поведенiе вашей дочки лишило меня етой надежды. И такъ должна я вамъ сказать, что вы въ здѣшнемъ мѣстѣ худое щастье найдете, естьли не постараетесь поунять надмѣнность етой маленькой невѣжи Госпожи знаютъ здѣсь свѣтское обхожденiе, и тотъ жестоко накажется, кто хотя не знаючи втѣснится въ ихъ компанiю. Правда, я надѣ-

дѣюсь, что та вольность, которую оказывала ономнясь ваша дочка, теперь сама собою ужъ изчезнетъ, потому что какъ теперь ея батюшко, на котораго она надѣялась, и которымъ гордилася, отъ ранъ своихъ умеръ, такъ она уже поусмирѣетъ. Я хотя и не радуюсь смерти етова доброва человѣка; но естьли ето наказанье поможетъ къ тому, чтобъ она поумнѣе и скромнѣе сдѣлалась, такъ гожусь можетъ быть и я къ чему нибудь. Впрочемъ остаюсь ваша. . . .

16.

Губертъ къ Господину Визенау.

Богу буди благодареніе, что я сего дня не страхъ и не смерть вамъ возвѣщаю. Нашъ любезной Маіоръ живъ, и подаетъ надежду о себѣ что изцѣлится. Но бѣдной, бѣдной господинъ! что перенесъ и претерпѣлъ онъ, того никакъ не можно описать. Проклятая лихорадка, бывающая обыкновенно отъ ранъ, довела его такъ близко къ смерти, что мы думали уже, что онъ покойникъ, и за четыре дни до сего всѣ щитали его умершимъ.

Сами лекари отчаялись въ его жизни, и объявили его погибшимъ. И каково притомъ всѣмъ намъ было, о томъ лишь Господу Богу да намъ извѣстно.

Я сдѣлалъ то, что вы мнѣ приказали. Я приговорилъ полковаго лекаря одного въ сосѣдствѣ стоящаго пѣхотнаго полку: но у человѣка сего было такъ много дѣлъ, что я легко усмотрѣлъ, что отъ него пользы будетъ мало; съ ротными же фелдшерами не хотѣлъ я имѣть вовсе никакова дѣла; и такъ писалъ я къ купцу . . . въ Бреславль и просилъ его прислать ко мнѣ искуснаго Доктора, да лекаря. Онъ прислалъ ко мнѣ обоихъ, и можно сказать, что мы за жизнь оплакиваемаго нами господина Маiора обязаны Богу и симъ людямъ. — По всему видимому они весьма и прямо ученые люди; ибо мы здѣсь и десятой доли того не разумѣемъ, что они говорятъ между собою, а кажется и въ насъ есть человѣческой умъ. Но какъ бы то ни было: но благодарить только Бога, милому бѣдному больному стало становиться получше, а по обѣщанiю ихъ вскорѣ будетъ и того еще легче.

Письмо ваше я не могъ еще отважиться ему отдать. Докторъ того не дозволяетъ. На вопросы его о его домашнихъ, отвѣтствовалъ я ему, какъ меня Богъ на разумъ наставилъ, и притомъ немного и прилгалъ. Сіе уже онъ отпуститъ мнѣ, ибо было сдѣлано то для его пользы. Какъ скоро Докторъ за возможное почтетъ, то отвезу его въ Бреславль.

Великій Боже! какъ возрадуется теперь письму сему все милое и любезное его семейство; я невѣдомобъ что далъ, естьлибъ можно было мнѣ сіе извѣстіе самому привезть. Миленькая молодая боярыня вѣрно бы пожала у меня дружески руку; а таковое пожатіе руки отъ Ангела такова! А! — оно и въ старикѣ достигаетъ до сердца, и заставитъ оное вспрыгаться. Но добро, добро, когда мы возвратимся назадъ, такъ сіе и тогда быть можетъ. А сіе можетъ быть воспослѣдуетъ скоро, ибо службу, какъ я опасаюсь, Господину Маіору уже врядъ ли продолжать будетъ можно. Отъ раны въ затылкѣ легко что нибудь остаться можетъ.

Но съ однимъ мѣстомъ письма вашего, Господинъ Визенау, не могу я никакъ сообразить моихъ мыслей. Вы пишите, что когда я получу письмо ваше, такъ молодой Господинъ Вернеръ уже у насъ будетъ; но изъ насъ никто еще его здѣсь не видалъ; письмо ваше пришло тремя днями позже, нежели ему притти надлежало, а теперь вотъ я еще четыре дня ждалъ, и такъ всѣхъ уже семь дней, но его еще нѣтъ здѣсь. Однако можетъ быть онъ одумался, и ѣзду свою оставилъ, но помочь ему намъ не можножъ бы ни въ чемъ было.

Оставтежъ теперь горесть и болѣе не печальтесь. Господь Богъ поможетъ намъ далѣе и все дѣло исправитъ. — Писать буду я къ вамъ такъ часто, какъ только удосужусь. —— Въ деньгахъ недостатка у насъ нѣтъ, а и мѣсто довольно покойное, единаго терпѣнія съ стороны больнаго иногда не достаетъ, однако труднѣйшее слава Богу уже миновало: оставайтесь благополучно.

17.

Господинъ Визенау къ Амтману Вернеру.

О печальномъ произшествіи съ любезнымъ нашимъ господиномъ Маіоромъ, надѣюсь, знаете вы уже все чрезъ любезнаго вашего сына и изъ писемъ невѣстушки вашей къ Пастору Улриху, а письма полученныя мною сего дня отъ старова Губерта, привезли намъ радостное извѣстіе, что любезному сему человѣку становится легче, и врачи подаютъ надежду и къ совершенному выздоровленію. Сколь все сіе для насъ ни вожделѣнно, но есть въ письмѣ одно обстоятельство, которое мнѣ не очень мило, и наводитъ на меня немалое сомнѣніе и заботу. Вашъ любезной сынъ къ господину Маіору еще не пріѣзжалъ: а судя по его поспѣшности, надлежало бы ему уже давно тамъ быть. Не удержали ли вы его можетъ быть у себя? Не занемогъ ли онъ либо у васъ, либо на дорогѣ. Выведите вы меня изъ сомнѣнія и заботы, которыми я въ разсужденіи его мучусь, колико можно скорѣйшимъ отвѣтомъ; а до того времени я буду молчать о етомъ дѣлѣ.

18.

Генріетта къ Пастору Улриху.

Вотъ точно такъ и совсѣми почти страшными тучами; когда онѣ заходятъ, и на насъ страшными валятъ горами, то ожидаемъ мы ихъ на себя со страхомъ и ужасомъ. О, какъ все померкнетъ, тогда вокругъ насъ и потемнѣетъ. Вся натура замолкнетъ и находится равно какъ въ страхѣ, человѣкъ взираетъ со ужасомъ на небо, звѣри и птицы прячутся и скрываются въ ущелья. Наконецъ возгремитъ она, и начнетъ свирѣпствовать съ шумомъ, страхъ и ужасъ разольется повсюду, и между всѣми стихіями начнется толикая брань, что кажется всему предстоитъ погибель и совершенное опустошеніе; днесь ударяетъ ужаснѣйшій изъ ударовъ и всѣ близкія твари оглушаются онымъ. —— Но вдругъ поднимается благодѣтельная буря, тучи проносятся и разсѣваются, прочищается опять небо, и лучи пріятнаго солнца насъ паки наипрекраснѣйшимъ сіяніемъ своимъ освѣщаютъ.

Та-

Таково было и таково точно теперь у насъ въ замкѣ. Мракъ и темноту, въ которую ввержены мы были печалію и сокрушеніемъ, разогналъ Всеблагій Богъ вдругъ своимъ радостнымъ солнцемъ, и окрестъ насъ теперь опять столь ясно и свѣтло, какъ въ наипрекраснѣйшій вѣшній полдень. О, какъ прославляю я незаслуженную Его милость и щедроту! какъ буду ее прославлять вѣчно!

Сердечно сожалѣю я теперь о томъ, что поспѣшила я отсылкою къ вамъ моего послѣдняго письма: отъ великой бы печали избавила я ваше отеческое сердце; однако крайне теперь и радостно мнѣ, что могу нынѣ оное страшное извѣстіе опровергнуть, и на мѣсто онаго сообщить вамъ въ тысячу разъ лучше. Онъ живъ! онъ, драгоцѣнной и лучшій изъ отцовъ, и не только живъ, но ему стало и легче, а подаетъ надежду и къ совершенному выздоровленію. Какая пріятная и блаженная перемѣна! О Боже! Ты милостивъ, и милостивъ къ намъ превыше всѣхъ понятій нашихъ.

Поразительное извѣстіе о кончинѣ его получено было изъ К. . . . и подтверждено двумя письмами: но Богу буди благода-

дареніе! оно совсѣмъ несправедливо. Губертово письмо, полученное нами вчера, оживотворило насъ новымъ щастіемъ и новою жизнію.

Но что мы по сіе время отъ любезнаго моего Карла не получали еще писемъ, тому посправедливости я удивляюсь. Пріѣхать туда, надѣюсь, онъ пріѣхалъ благополучно, и судьба не уповаю я чтобъ пріуготовляла мнѣ новое какое нещастіе? И сего не опасаюсь я отъ Всеблагаго Бога, бывшаго до нынѣ ко мнѣ столь милостивымъ и благодѣтельнымъ.

Матушка моя, обрадованная и вновь ожившая, цѣлуетъ васъ заочно съ чувствіями совершеннѣйшаго дружества, а я есмь:

и прочая.

19.

Генріетта къ госпожѣ Шарфусъ.

Моя государыня!

Родительница моя, нѣсколько теперь недомогающая, поручила мнѣ на письмо ваше вмѣсто ея отвѣтствовать. Вы оказываете мнѣ дѣйствительно много чести, говоря въономъ преимущественно обо мнѣ только одной. О, суда-

сударыня! я весьма вамъ за то обязана. —— Вы очень милостиво думаете о насъ, сударыня, и печетесь о щастіи нашемъ въ мѣстахъ здѣшнихъ. Пожалуйте же покажите намъ средства, чрезъ которыя бы намъ пріобрѣсть оное можно было. И какъ по мнѣнію вашему моя нескромность и невѣжество причиною тому, что онымъ не можемъ мы ласкаться, то не окажите ли мнѣ одолженія, и не дадите ли наставленія, какимъ бы образомъ мнѣ сихъ дурныхъ и гнусныхъ свойствъ наилегче и скорѣе избавиться и отъ нихъ отвыкнуть былобъ можно. Кажется, что вы одарены въ высочайшемъ степени всею нужною къ тому способностію; а какъ я съ моей стороны имѣю гибкой и къ перениманію всего способной нравъ, то скоро моглибъ вы сдѣлать меня столь же совершенною, каковы вы сами. Оказывайте мнѣ во всякое время сіе благодѣяніе, а моя обязанность будетъ за то велика.

Но между тѣмъ надобно мнѣ вамъ сказать и то, что я имѣю уже честь находиться въ знакомствѣ съ нѣсколькими и весьма достойными благородными госпожами здѣшнихъ мѣстъ; но они изъ вышеупомянутыхъ дурныхъ свойствъ такъ

мало

мало во мнѣ примѣтили, что вопреки тому одарили меня своимъ дружествомъ, и въ самомъ отсутствіи отзываются обо мнѣ съ похвалою. Я могла бы оныхъ здѣсь и наименовать, естьлибъ почла за нужное. Какимъ же образомъ ето такъ, сударыня, что заключенія сихъ весьма разумныхъ госпожъ ни мало не согласны съ вашими? —— Весьма естественно! Онѣ не такія дуры, чтобъ дали себя суетности и высокомѣрію преклонить къ тому, чтобъ съ людьми нижшими себя поступать высокомѣрно и грубо. Они снисходительны, никого не обижаютъ, противъ всякаго учтивы, а за то *всякой старается* и самъ соотвѣтствовать имъ тѣмъ же и старается о угожденіи имъ. Сія есть, сударыня, по меньшей мѣрѣ по мнѣнію моему, истинная тому причина.

Наконецъ имѣю удовольствіе еще вамъ донесть, что мой родитель, которымъ неоспоримо имѣю я причину гордиться, но которой никогда нескромности и грубости не принималъ въ свое покровительство, хотя раненъ, но живъ и оправляется. Надежныя извѣстія, полученныя нами сегодня, отъ людей находящихся при немъ, доказали, что слухъ носившейся въ

К. . . . о его смерти, совсѣмъ былъ ложенъ. А сіе ложное извѣстіе и причиною тому было, что я на письмо ваше не прежде какъ сегодня отвѣтствую: ибо тогда не въ состояніи я была заниматься мѣлочами сего рода. Вы сдѣлаете мнѣ милость и отпустите сіе небольшое замѣдленіе. Впрочемъ остаюсь:

и прочая.

20.

Амтманъ Вернеръ къ Господину Визенау.

Письмо ваше поразило меня ужасомъ и опасеніемъ о моемъ сынѣ. О Боже! куда єто дѣвался онъ нещастной? Не сожалѣнія ли достойной и не горестію ли сраженной отецъ я буду, естьли онъ пропадетъ у меня?

У меня онъ одну только ночь переночевалъ, и 17 числа поутру отправился съ слугою верьхомъ въ путь свой. Я получивъ ваше письмо ни мало не мѣдля и въ самой тотъ же часъ отправилъ моего писаря въ. . . . и вчера ввечеру получилъ отъ него отвѣтъ, въ которомъ увѣдомляетъ онъ, что малой дѣйствительно не пріѣзжалъ, а онъ хотѣлъ скакать и объ-

ѣздить

ѣздить всѣ мѣста для полученія о немъ извѣстія. Слуга его, котораго по причинѣ сдѣлавшагося у него колотья, покинулъ онъ въ. . . . пріѣхалъ къ господину Маіору, но о моемъ Карлѣ онъ ничего ни знаетъ ни вѣдаетъ.

Ужасное положеніе, въ которомъ я теперь нахожуся! — Севодни послѣ обѣда хочу самъ скакать его искать, но самъ Христосъ знаетъ гдѣ.

Лучшебъ было, естьлибъ вы его отъ себя не отпускали. Ну, что и чѣмъ бы могъ помочь онъ господину Маіору? Докторъ ли онъ, или лекарь? Господинъ Маіоръ самъ весьма недоволенъ былъ тѣмъ, что допустили его ѣхать. — Ну, вотъ странной и печальной оборотъ. Съ одной стороны отецъ спасенъ, а съ другой сынъ и мужъ потерянъ.

Какъ скоро что объ немъ узнаю, не премину васъ увѣдомить. Боже! помози мнѣ бѣдному старому человѣку, и сраженному отцу, естьли онъ да не отыщется! Прямо тогда во гробъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ! Но не будетъ и сына, которой бы глаза мои закрылъ. Великій Боже! ето горько.

и прочая.

21.

21.

Дѣвица Адельсберхъ къ Генріеттѣ Вернеръ.

При первомъ нашемъ свиданіи, которое воспослѣдуетъ скоро, разцѣлую я васъ въ прахъ за то удовольствіе, которое имѣла я вчера у госпожи Шарфусъ, къ которой принуждена была я для отправленія чиновъ ѣздить. Съ самаго начала была рѣчь о визитѣ, сдѣланномъ ею недавно вамъ. Она изображала мнѣ госпожу Вернеръ такими красками, что портретъ ее не походилъ ни мало на оную. Но какъ злорѣчивой языкъ ее былъ мнѣ довольно извѣстенъ: а сверхъ того и плутовскіе замыслы любезной моей Генріетты были мнѣ отчасти свѣдомы; то изобразила я вскорости ей иной портретъ, которой казался мнѣ на нее похожѣе. Она была столь безразсудна, что показала мнѣ и самой отвѣтъ, присланной вами на ее, упоительно, весьма глупое и дурацкое письмо. О етотъ отвѣтъ! любезная Вернеръ, какое увеселеніе онъ мнѣ причинилъ. Какъ скоро увижусь съ тобою, то разцѣлую тебя за оной.

Я была такъ зла, что стала читать его въ слухъ, и пріобщать мои при-

примѣчанія и толкованія къ оному, и имѣла удовольствіе видѣть, что кровь у нее во все лицо вступила. Ну! подлинно, любезная пріятельница, ее вы оттпотчивали по достоинству. Не опасайтесь ни мало клеветы и злословія ея въ домахъ прочаго здѣсь дворянства. Она извѣстна уже всѣмъ, и за непомѣрную гордость всѣми презирается. Дѣвица Эделгерцъ, молодая Графиня Гюлденштернъ, госпожа Тифенгаинъ, я и моя сестра, всѣ мы готовы васъ защищать въ нужномъ случаѣ, естьлибъ въ томъ востребовалась надобность. Мы не ложно ваши искреннія пріятельницы, и вы сдѣлаете намъ великое удовольствіе, естьли похотите быть и нашею. Что вы моею, ето я знаю, но за то и я отъ всего моего сердца вашею.

Когда мы увидимся, то надобно вамъ показать мнѣ письмо госпожи Шарфусъ. Мнѣ знакомъ ее складъ, и вы на мнѣ уже того не взыщете и не почтете меня за то злонравною, что я позабавлюсь надъ онымъ. Госпожа сія имѣла хорошее воспитаніе, но съ ребячества своего почитала она себя уже столь умною, что чрезъ науку умнѣйшею дѣлаться почитала за излишнее. Прости любезная Вер-

нерь

нерЪ и поклонись отЪ меня изящной вашей родительницѣ.

22.

ГубертЪ кЪ Господину Визенау.

Ну, вотЪ, обстоятельства здѣсь хотя и весьма перемѣнились, но вѣрно не понравились. Что касается до господина Маiора, то, благодарить Бога, ему часЪ отчасу становится легче. Но куда дѣлся молодой господинЪ ВернерЪ? Вчера былЪ здѣсь старой и горюющей отецЪ его. ОнЪ и его писарь, обЪѣздили всѣ здѣшнiя окрестности, но его не нашли и ничего обЪ немЪ не провѣдали. До деревни. . . . лежащей за милю отсюда, онЪ доѣхалЪ, а тутЪ вдругЪ изчезЪ. А что дѣло еще хуждшимЪ дѣлаетЪ, и принуждаетЪ насЪ всего обЪ немЪ опасаться, то нѣтЪ при немЪ и пашпортовЪ. Сiи лежатЪ вЪ записной книжкѣ, которая осталася вЪ карманѣ у слуги. Куда какая неосторожность! не возьми онЪ ихЪ у слуги, покидая онаго! — Естьли попался онЪ нашимЪ войскамЪ и разЪѣздамЪ, то они вѣрно поволокли его сЪ собою; но ежели нещастiе онЪ имѣлЪ, чего однако я не упо-

уповаю, попасться въ непріятельскія руки, то должно всего злѣйшаго опасаться.

Туженіе и гореванье бѣднаго отца пронзаетъ мнѣ сердце и душу. Жаль будетъ доброва етова малова, естьли онъ пропадетъ. Господину Маіору и тогда было не очень пріятно, когда я ему сказалъ, что онъ къ намъ будетъ, а теперь и подавно онъ гнѣвается, однако не на васъ, господинъ Визенау: ибо нынѣ онъ письмо ваше уже читалъ, въ которомъ вы о етомъ дѣлѣ писали.

Я разослалъ шестерыхъ изъ лучшихъ нашихъ гончихъ собакъ искать его, и далъ повсюду знать, и описалъ сколько можно лучше всѣ примѣты молодаго господина. Ежели сіе не поможетъ, то не знаю уже я что и дѣлать начинать.

Господинъ Маіоръ изволилъ поручить мнѣ васъ просить, что естьли сожительница и дочь его о томъ еще не вѣдаютъ; то скрывали бы вы отъ нихъ сіе сколь долго можете. Какъ скоро узнаемъ мы хоть одно словечко объ немъ, такъ вы тотчасъ узнаете. . .

и прочая.

23.

23.
Генріетта Вернеръ къ дѣвицѣ Адельсбергъ.

Послѣднимъ вашимъ письмомъ, сдѣлали вы мнѣ чрезвычайное удовольствіе. Не ложно, моя любезная, матушка моя и я, можемъ за особливое щастіе себѣ почитать, что мы имѣли честь свести знакомство съ вами и другими изящными особами, вашими пріятельницами, прежде нежели угодно было госпожѣ Шарфусъ посѣщеніемъ своимъ насъ удостоить. Женщина таковаго нрава и толико безпредѣльнаго высокомѣрія сдѣлалабъ насъ подъ такими характерами всѣмъ извѣстными, которые бы отдалили отъ насъ всѣхъ благородно мыслящихъ людей. Съ одной стороны мнѣ хотя пріятно, что вы отвѣтъ мой на ее въ самомъ дѣлѣ весьма грубое письмо читали, но съ другой стороны должна я опасаться, чтобъ оной не въ состояніи былъ уменьшить то хорошее мнѣніе, которое вы по милости своей обо мнѣ воспріяли. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что истекалъ онъ изъ пера писательницы язвительной и шпыняющей, но естьли подумаете о поводѣ къ тому данномъ, и сравните выраженія мои съ обидами,

дами, мнѣ причиненными, то отдадите вы, по доброму вашему сердцу, мнѣ сами справедливость, и не признаете во мнѣ такихъ свойствъ, которыя бы меня дружества вашего дѣлали недостойною. А должайшее и тѣснѣйшее знакомство оправдаетъ меня, какъ уповаю, предъ вами совершенно.

Я за нужное почла къ вамъ сіе, моя дорогая, написать: ибо наслажденіе дружествомъ толь изящнаго сердца, каково ваше, и продолженіе онаго для меня не такъ маловажно, чтобъ мнѣ могло быть все равно какихъ мыслей вы обо мнѣ ни будете.

Препоручите меня въ драгоцѣнное дружество тѣхъ любви достойныхъ особъ, коихъ именовали вы въ письмѣ вашемъ, и снищите мнѣ ихъ благосклонность.

Матушка моя есть вся ваша, а я:
и прочая.

24.

Амтманъ Вернеръ къ Господину Визенау.

Вотъ теперь пріѣхалъ я опять домой, но нещастнѣе еще и горестнѣе, нежели былъ до отъѣзда. Тогда имѣлъ я

хо-

хотя нѣсколько надежды найти бѣднаго, нещастнаго и погибшаго, а теперь и ее совсѣмъ лишился. О Боже! чѣмъ я заслужилъ, что Ты толь жестоко меня наказываешь, и такъ сильно поражаешь, не умерщвляя притомъ меня! Я имѣлъ только его, его единаго взрощеннаго и воспитаннаго для утѣхи и подпоры въ моей старости, и долженъ былъ, о Боже! долженъ былъ потерять. Гдѣ-то, въ какомъ лѣсѣ, и въ какой пустынѣ изтлѣетъ его тѣло непогребенное? безсомнѣнно впалъ онъ въ руки разбойниковъ и ими зарѣзанъ. И самой гробницы не допустилъ меня Богъ тебѣ сдѣлать; бѣдной умерщвленной! тебя лишился не видавъ твоей и кончины! принужденъ теперь здѣсь бездѣтнымъ и оставленнымъ отъ всѣхъ плакать и рыдать! Ахъ! когда бы Богъ ко мнѣ столь милостивъ былъ, и взялъ бы меня въ сію ночь къ себѣ, и тѣмъ избавилъ меня отъ всей грусти и тоски, и осушилъ бы всѣ мои слезы: о какъ бы сталъ я Его тамъ, въ его свѣтѣ, прославлять за сію милость! но я можетъ быть и. . .

Въ самую сію минуту получилъ я, нещастной, письмо отъ одного дворянина

изъ. . . . онъ увѣдомляетъ меня, что въ его лѣсу, въ сторонѣ отъ дороги, найдена застрѣленная лошадь съ сѣдломъ и совсѣмъ приборомъ, но чтобъ убитъ былъ человѣкъ, тому нѣтъ никакова слѣда. По описанію его лошади и сѣдла, она дѣйствительно моя. О Боже! можно ли мнѣ теперь уже сомнѣваться о всемъ нещастіи своемъ. Ахъ! оно уже съ лишкомъ достовѣрно. Злодѣи затащили его въ глубину лѣса и тамъ задавили. О сынъ мой! сынъ единородной! почто не могу я умереть вмѣстѣ съ тобою!

25.

Дѣвица Адельсбергъ къ Генріеттѣ Вернеръ.

Я не могу единой минуты умедлить, чтобъ не отвѣтствовать вамъ, любезная Вернеръ, на письмо ваше, и не лишить васъ ложнаго и несправедливѣйшаго обо мнѣ мнѣнія. Какъ ето, моя дорогая, чтобъ я почла васъ язвительною? васъ? и почла бы по поводу письма вашего? письма, о которомъ я къ вамъ писала, что за нево васъ разцѣлую? Умилосердись, мать моя, какъ могли вы сіе подумать? Нѣтъ! нѣтъ! дорогая Вернеръ, письмо ва-

ваше къ гордой Шарфусъ произвело мнѣ истинное удовольствіе, и хорошее мнѣніе, принятое мною объ васъ, не только ни чѣмъ не уменьшило, но паче его увеличило. Не знаю, развѣ что съ дурою надобно и поступать по дурачески: и такъ прочь! и оставте ето подозрѣніе, и вѣрьте, что у меня худова и на мысли не было.

Симъ хотѣла было я окончить: но одно извѣстіе, которое я въ самую сію минуту услышала, и которое меня очень испужало, принудило меня опять взять перо. Какъ ето, моя любезная! какимъ ето образомъ, говорятъ что сожитель вашъ въ дорогѣ пропалъ? Странное право и печальное былобъ ето дѣло, но которому не могу я никакъ съ перваго слова повѣрить. Пропадать могутъ иногда дѣти, но какъ можно пропасть большому, взрослому и разумному человѣку, и пропасть такъ, чтобъ не можно было провѣдать гдѣ онъ дѣлся. Я прилечу къ вамъ еще севоднижъ, чтобъ узнать отъ васъ о томъ короче; но не дай Боже, чтобъ услышала я подтвержденіе о томъ изъ устъ вашихъ.

26.
Генріетта къ Пастору Улриху.

Не сущее ли я игралище судьбы ожесточенной и враждебной? — Я бѣдная и сожалѣнія достойная! — Недавно вознесена была я ею на высоту ефира, откуда взирая въ низъ, видѣла только радости и благоденствія подъ собою, а нынѣ паки низринута въ глубину пропасти, гдѣ почитаю себя совсѣмъ погибшею и не имѣющею ни малѣйшей надежды къ спасенію.

Уже давно, надѣюсь, знаете вы, любезные родители, новое и ужасное мое нещастіе. Жалкой и горестной отецъ, уповаю, не скрылъ онаго отъ васъ: потужите же теперь о нещастной фамиліи, которая къ тому назначенною быть кажется, чтобъ бороться всегда вновь съ новыми нещастіями, и отъ пораженій жестокихъ ея ударовъ только для того отдыхать и оправляться, дабы вытерпливать вновь, и быть поражаемою новыми.

О, какъ была я паки благополучна! Небо единыхъ радостей и утѣхъ было отверсто надо мною, и я не видала ничего кромѣ единыхъ блаженствъ въ будущемъ

щемъ времени предъ собою! но гдѣ, гдѣ подѣвались сіи блаженства? Гдѣ отверстое небо радостей и утѣхъ? Гдѣ ты, толь ласкавшее меня предбудущее время? Ахъ! мечта была ето! ничто какъ мечта меня ослѣпляющая.

О мой Карлъ! о мой любезной Вернеръ! гдѣ ты? гдѣ искать тебя моей горестной изнемогающей душѣ? Гдѣ найду я тебя возлюбленной? ахъ! въ гробахъ — посредѣ мертвыхъ, — а я еще жива, я твоя оставленная и лишенная утѣхъ супруга! я жива! О Боже, почто мнѣ жить? и безъ него жить? —

Сіе страшное извѣстіе я похитила: съ радостнѣйшимъ духомъ вошла я въ комнату господина Визенау, но не застала его въ оной. На столѣ лежали письма, я узнала почеркъ руки отца моего Вернера, я взяла письмо и стала читать. О Боже! что увидѣла я въ немъ! я подняла вопль, и тутъ же подлѣ стола упала безъ памяти.

Вопль мой привлекъ ко мнѣ господина Визенау изъ побочной комнаты. Подлѣ меня и тутъ же на полу лежало письмо. Сіе доказало ему, что страшная его и сохраняемая отъ насъ тайна открылась.

Опа-

Опамятовавшись, увидѣла я себя въ моей постелѣ. О почто очнулась я паки! Почто не осталась навсегда въ семъ сладкомъ забытіи и безчувствіи! Почто не умерла я!

Теперь жизнь моя ничто, какъ продолжающаяся горькая смерть. Утѣшенія господина Визенау, увѣщаванія его, увѣренія чтобъ имѣть еще надежду, все не помогаетъ ни мало толико пораженному, толико сокрушенному сердцу.

О ето страшное письмо горестнаго отца, что-то есть въ немъ далѣе. Я читала только начало онаго, и никакія прозьбы не могутъ преклонить сего жестокаго человѣка, сего Визенау, открыть мнѣ всю обширность моего нещастія. —— Все, что вы ни читали, говоритъ онъ, суть одни только догадки, ничто, какъ единыя догадки печальнаго отца, опасающагося, по горячей своей любви къ сыну, всего хуждшаго объ немъ. Господинъ Вернеръ вѣрно живъ, и мы его увидимъ и обоймемъ паки: — Но ахъ! ето одни только обѣщанія, которымъ онъ самъ не вѣритъ; одни утѣшенія, которыя самому ему не пользуютъ: когдабъ не таковы они были, то не видала бы я глазъ его

всегда

всегда заплаканныхЪ, и не слыхала вздоховЪ изЪ глубины сердца произходящихЪ.

О любезной родитель! естьли вы знаете, естьли знаете о томЪ, гдѣ мой любезной ВернерЪ, такЪ пожалуйте скажите. УмерЪ что ли онЪ? —— Правда! ужасно для меня сіе извѣстіе будетЪ: но когда нибудь узнавать мнѣ о томЪ надобножЪ будетЪ; и почто же бѣдному страждущему моему сердцу быть обманываему до того времени пустыми надеждами: при послѣднемЪ ударѣ поразится же оно смертельно? Сжальтесь надЪ бѣдною и жалкою вашею дочерью, смягчите горестію ее ваше отеческое сердце, и скажите мнѣ все, что вы знаете, не изключая и самаго страшнѣйшаго, ежели что есть. —— Поспѣшите вашимЪ отвѣтомЪ кЪ нещастой дочерѣ.

и прочая.

27.

ГубертЪ кЪ Господину Визенау.

Всѣ мои наиревностнѣйшія старанія, все разсылание, исканіе и распровѣдываніе было тщетно. Ничего не узналЪ, и не слышу ни единаго слова о молодомЪ госпо-

подинѣ. Вчера былѣ я у того дворянина, у котораго вѣ лѣсу найдена застрѣленная лошадь, о коей, надѣюсь, писалѣ уже кѣ вамѣ старикѣ его отецѣ. Такѣ! это дѣйствительно правда: лошадь его, слуга узналѣ ее, а особливо по сѣдлу. Великій Боже! какой-то конецѣ получилѣ сей милой молодой господинѣ. Мы объѣздили весь лѣсѣ и пересмотрѣли всѣ мѣста вѣ ономѣ, искали вездѣ нѣтѣ ли какова признака, чтобѣ онѣ умерщвленѣ былѣ, но ничего не нашли.

При нашей арміи, хотябѣ онѣ и живѣ былѣ, его дѣйствительно нѣтѣ. Вѣрно бы узнали о томѣ наши лазутчики. Естьли же онѣ вѣ непріятельской, —— то, о Боже! естьли да самѣ онѣ о себѣ не дастѣ знать, такѣ кто можетѣ обѣ немѣ тамѣ распровѣдать.

Господинѣ Маіорѣ находится вѣ безпрестанномѣ и примѣтномѣ смущеніи и безпокойствіи духа. Его раны заживаютѣ хорошо, но заживали бы гораздо лучше и скорѣе, естьлибѣ сего проклятаго случая не было.

Старайтесь ободрять колико можно госпожѣ. Достовѣрныхѣ и безсомнѣнныхѣ признаковѣ все еще нѣтѣ тому, чтобѣ

мо-

молодаго господина дѣйствительно не было уже въ живыхъ, и чтобъ онъ пропалъ совершенно. Почему знать, не возвратитъ ли намъ его Господь опять назадъ: многое онъ подобное тому уже сдѣлалъ, и болѣе нежели мы могли думать и ожидать? Сама госпожа Маіорша не почиталась ли многіе годы погибшею и сгорѣвшею и вмѣстѣ съ своею дочерью: но, благодарить Бога, они и по нынѣ здравствуютъ. —— И такъ повторю, не лишайтесь всей надежды и не унывайте совсѣмъ. Губертъ не совсѣмъ еще отчаявается.

28.

Пасторъ Улрихъ къ Генріеттѣ.

Что сказать мнѣ моей любезной, сожалѣнія достойной дочери? Что написать къ ея ободренію? Что мы также какъ и она плачемъ? Что о нещастіи ея сожалѣемъ, что сердца наши берутъ въ ономъ величайшее соучастіе? Ахъ! это знаетъ она сама уже давно. Утѣшать мнѣ ее надобно! но, о Боже! могъ ли кто и когда нибудь утѣшать съ успѣхомъ инова, когда для самаго его утѣшенія были нужны.

Моя

Моя дочь! любезная Генріетта! положеніе, въ которомъ ты себя нынѣ видишь, неоспоримо, весьма печально, и при ужасной неизвѣстности, въ которой находишься, обстоятельства твои худы и страшны. Но, любезное дитя! не находимся ли всѣ мы подъ властію и управленіемъ Всемогущаго и Безконечнаго Благоутробнаго Существа, коего власть все учинить можетъ, а отеческая Его благостыня все учинить и хочетъ, что для насъ полезно. Собери мысли свои и напомяни прошедшіе дни, и помысли, не видала ли ты сама надъ собою доказательствъ тому? Ахъ! ты имѣешь ихъ, Генріетта: ты имѣешь доказательства вѣрныя, ясныя и очевидныя. Не была ли ты многіе годы совершенною сиротою не имѣющею ни отца, ни матери? Коль долго почитала ты себя подверженною бѣднѣйшею тварью въ свѣтѣ, не знающею и самыхъ тѣхъ людей, которые тебя кинули! Коль часто отиралъ я съ лица твоего слезы, проливаемыя тобою о томъ! но послѣ, Генріетта, коль неожидаемо и сколь противъ всякаго твоего чаянія нашла ты своего родителя, но какова же родителя? любезная дочь, но кто же учинилъ тебѣ все сіе? Кто сохранилъ

хранилЪ его для тебя? И кто привелЪ его кЪ тебѣ толь особливымЪ образомЪ?

ПотомЪ недоставало тебѣ только матери. По всеобщему нашему и самаго родителя твоего мнѣнію была она сгорѣвшею, и ниже ты, ниже кто нибудь изЪ насЪ, могЪ инако думать, что мы не прежде ее увидимЪ, какЪ по смерти: Но нынѣ живешь ты вЪ ея материнскихЪ обЪятіяхЪ. Не была ли ты сама потерянною совсѣмЪ и не отечески ли избавлена? А и недавно не увѣдомляла ли ты сама меня о смерти твоего родителя, но не живЪ ли онЪ? Ну, скажи же мнѣ, любезная дочь: кто сдѣлалЪ, и кто устроилЪ и учинилЪ все сіе?

И ты, Генріетта, ты толь очевидная любимица отца небеснаго, и ты можешь еще имѣть недостатокЪ вЪ уповaніи на его благость при толь многихЪ знакахЪ безконечныя его кЪ себѣ милости? АхЪ! рука его подаетЪ болѣе, и щедроты его простираются далѣе, нежели острѣйшій разумЪ смертныхЪ постигать можетЪ. Уповай на него, моя дочь! положись на онаго, предавЪ себя во всемЪ и совершенно вЪ его волю. ОнЪ можетЪ все исправить, и сдѣлаетЪ сіе конечно.

Ты требуешь, чтобЪ отписалЪ я кЪ тебѣ все, что извѣстно мнѣ о твоемЪ любезномЪ мужѣ. И такЪ знай во первыхЪ, что нѣтЪ еще никакихЪ достовѣрныхЪ признаковЪ несомнѣнныхЪ доказательствЪ тому, чтобЪ онЪ дѣйствительно погибЪ, и чтобЪ мы его на вѣки потеряли. — Правда! что мы не можемЪ получить отЪ него по сіе время ни малѣйшаго извѣстія, хотя и не можно почесть добрымЪ знакомЪ: однако почему знать, можетЪ быть онЪ находится вЪ такомЪ положеніи и вЪ такихЪ обстоятельствахЪ, что ему писать не можно. Сіе положеніе и обстоятельства могутЪ наконецЪ перемѣниться: и тогда онЪ опять явится и мы возрадуемся.

Надежды! — ТакЪ, любезное дитя! не спорю, что ето однѣ только надежды. Но почто же тебѣ отвергать оныя отЪ себя, естьли онѣ тебя и подкрѣплять могутЪ. Тебѣ держаться надобно крѣпко за нихЪ, пока совершенно онѣ не разрушатся. КЪ сему послѣднему и жесточайшему удару должна ты между тѣмЪ пріуготовляться, и вооружать себя противЪ онаго всемЪ мужествомЪ христіанки, и твердостію духа такой твари, которая зави-

зависимость свою отъ воли Премудраго и Всеблагаго Творца довольно знаетъ: дабы въ случаѣ, естьли ударъ сей наконецъ воспослѣдуетъ, не могла бы ты впасть въ малодушіе, и предать сердце свое въ добычу отчаянію. Напоминай, любезная дочь, почаще всѣ полученныя тобою и толь многія его благодѣянія, и спрашивай сама себя: можешь ли ты и должна ли отважиться роптать на отца столь благодѣтельнаго, естьли онъ нѣкогда и учинитъ нѣчто тебѣ неугодное, но что вѣрно принадлежитъ къ цѣпи не постижимыхъ его судебъ, и относится къ твоей, ему лучше твоего, извѣстной пользѣ?

Еще разъ повторяю, любезная дочь, не унывай, но уповай на Бога, сего Всемогущаго, Крѣпкаго и Всеблагаго. Ничто въ свѣтѣ не долженствуетъ тебя отвлекать отъ совершенной и дѣтской преданности въ Его волю. Жена моя цѣлуетъ тебя съ материнскими слезами, и мы остаемся:

и прочая.

29.
Амтманъ Вернеръ къ Господину Визенау.

Ну! вотъ грянулъ наконецъ и последній ужаснѣйшій ударъ! Онъ поразилъ мое и безъ того тоскою измозженное сердце неизцѣльною раною, и смутилъ всю мою престарѣлую голову. Третьяго дни найдено наконецъ и мертвое тѣло моего нещастнаго сына, за милю отъ того мѣста, гдѣ лежала застрѣленная лошадь. И такъ изчезла теперь вся уже надежда, и померкъ и послѣдній слабой блескъ оныя! Уже не можно ласкаться тѣмъ, что мы его увидимъ! О! я ее ощущалъ, истинну утвержденія того, что ничто не можетъ сравниться съ радостію отцовскою; а теперь съ пораженнымъ родительскимъ сердцемъ ощущаю, что ничто не можетъ сравниться и съ страданіемъ отцовскимъ. О Боже! помози мнѣ бѣдному печальному старику, и подкрѣпи меня силою своею, чтобъ погруженное въ горесть сердце мое не впало въ отчаяніе совершенное.

Теперь слѣдуетъ вамъ увѣдомить о томъ сожалѣнія достойную и нещастную вдовицу. Правда: старой и добродушной отецъ Улрихъ все еще не хочетъ тому вѣ-

вѣрить, потому что найденное мертвое тѣло начало портиться, и уже такъ обезобразилось, что ни платья, ни лица разпознать не можно; по причинѣ, что втоптано оно было въ болото: но увы! можно ли о томъ сомнѣваться? кому иному быть, какъ не тѣлу сына моего умерщвленнаго! Увы! никогда я его уже здѣсь не увижу, но сойду къ нему самъ во гробъ съ сокрушенiемъ сердечнымъ.

Какое было хорошее предпрiятiе у меня на умѣ, и какъ сильно я нещастной въ своихъ мысляхъ обманулся! Срокъ откупа моего вскорѣ окончится. По прошествiи годовъ сихъ хотѣлъ было и я мѣста сiи оставить, и переѣхать къ вамъ препроводить оставшiе немногiе дни мои съ вами и съ дѣтьми моими въ покоѣ и тишинѣ. Какими радостями я ласкался! Но увы! сколь суетны были сiи надежды! Не на землѣ, но въ ней, долженъ я искать себѣ жилища, и жить во гробахъ съ мертвыми: тамо могу я только ожидать себѣ мира и покоя.

О господинѣ Маiорѣ на сихъ дняхъ не имѣлъ я никакихъ извѣстiй. Боже! сохрани сего добродушнаго мужа, дабы могъ онъ подкрѣпить свое семейство и не

 до-

допустить его также сдѣлаться неутѣшнымъ и отчаяннымъ, каковымъ теперь я нахожусь:

и прочая.

30.

Господинъ Визенау къ Маіору Фолкмару.

Изъ Губертова послѣдняго письма усмотрѣлъ я, что ты, любезной другъ, часъ отчасу оправляешся болѣе. Ето нѣсколько утѣшаетъ мою страждущую душу, которая безъ того изнемогла бы совсѣмъ подъ гнѣтущимъ бременемъ. Ахъ, любезной другъ, въ какомъ смятеніи находится теперь твой Визенау! Колькаго труда ему стоитъ нарушать твое спокойствіе и тѣмъ выздоровленію твоему преполагать препоны! Совсѣмъ тѣмъ опасается онъ упреканій твоихъ, естьли не увѣдомитъ ему тебя о томъ, что здѣсь произходитъ. Однако онъ помнитъ, что ты мужъ имѣющій воинское сердце, училъся уже переносить печали, и потому можешъ преодолѣть и тепершнюю.

Извѣстіе о пораженіи тебя смертельными ранами, и присовокупившійся къ

то-

тому совсѣмъ ложной и изъ К. . . . дошедшій сюда слухъ о твоей кончинѣ, былъ для всѣхъ насъ, а особливо для нѣжнаго сердца твоей дочери, ударомъ поразительнымъ. Чувствительная душа Генріеттина была онымъ такъ тронута, и силы ея отъ продолжающейся печали въ такое приведены были ослабленіе, что я иногда еще опасался, чтобъ по нѣжному сложенію своего тѣла, не слегла она въ постелю. Между тѣмъ Губертово и толь благовременно полученное письмо о твоемъ выздоровленіи уничтожило сіе опасеніе мое. Генріетта оживотворена была новою радостію, и хотя въ лицѣ ея и осталась еще блѣдность, однако я не опасался уже ничего болѣе.

И такъ все по мнѣнію моему пошло своимъ порядкомъ и былобъ хорошо, естьлибъ не присовокупилось къ тому нещастнаго приключенія съ Господиномъ Вернеромъ. Онымъ растворена была вновь рана ея сердца, не зажившая еще совсѣмъ и отъ прежняго пораженія. А печаль ея и сокрушеніе о немъ столь были велики и жестоки: что не могла она уже никакъ удержаться на ногахъ. Нѣсколько

 вре-

времени боролась она съ оною: но наконецъ болѣзнь поразила сію изнемогшую и повергла ее въ постелю.

Я послалъ тотчасъ за Докторомъ Вигантомъ въ К. . . ., котораго о искуствѣ ты извѣстенъ. Его привезли, и онъ находитъ, что тѣло ея страдаетъ только отъ бремени, угнѣтающаго ея душу, и помощи ожидаетъ болѣе отъ разбитія мыслей и ободренія, нежели отъ лѣкарствъ. Охотно бы я щадя тебя, любезной другъ, скрылъ отъ тебя сіе печальное дѣло: но я знаю расположеніе твоихъ мыслей и сердца: и потому поопасся утаить отъ тебя то, что для тебя такъ важно. Молодыя лѣта и крѣпость тѣлесная подаютъ надежду, что она перенесетъ сію болѣзнь и оправится: и я желаю отъ всего моего сердца чтобъ могъ о томъ первымъ моимъ письмомъ и вскорѣ тебя увѣдомить.

къ Губерту (на конвертѣ)

Завернутое въ сей бумагѣ письмо содержитъ въ себѣ извѣстіе о болѣзни дочери господина Маіора. Отдай ему оное не прежде, какъ дозволятъ лѣкари, которыхъ о томъ напередъ спроси. Я позабылъ ему упомянуть, что старой Греберъ

беръ жизнь свою окончилъ, и опочилъ съ миромъ. Скажи о томъ господину Маіору, и увѣдомь меня не въ продолжительномъ времени, что у васъ происходить станетъ.

31.

Цесарской Подполковникъ Фогельсвергъ къ Маіору Фолкмару.

Я имѣлъ честь и щастіе во время прежней войны познакомиться съ вами въ Дрезденѣ. По милости своей не оставили вы меня вашимъ вспоможеніемъ тогда при одномъ смутномъ и опасномъ для меня дѣлѣ, и удостоивали меня всегда вашимъ дружествомъ. Теперь радуюсь я, что получилъ случай доказать вамъ, что все продолженіе многихъ послѣ того лѣтъ не истребило изъ памяти моей вашихъ одолженій и дружества, и не уменьшили усерднаго желанія моего быть вамъ за то благодарнымъ.

Мы имѣемъ здѣсь одного молодаго человѣка, которой присланъ къ намъ сюда за карауломъ, яко шпіонъ, поиманной форпостами нашими и не могшій оправдать себя паспортами. Вы знаете, сколь

строго и безъ всякихъ околичностей поступается съ такими людьми при таковыхъ случаяхъ. Но щастіе его помогло, что всегда попадался онъ въ руки такихъ людей, которые не были столь жестокосерды, чтобъ поступить съ нимъ тотчасъ по всей строгости законовъ; но которые, будучи смягчены его молодостію и плѣняющимъ видомъ, объявленію его болѣе вѣрили, нежели обыкновенно при такихъ случаяхъ бываетъ и по сей причинѣ онъ содержится и понынѣ скованной подъ стражею.

Вчера ввечеру ужиналъ я у Генерала ... и узналъ тутъ къ немалому моему удивленію, что сей молодой человѣкъ сказывается зятемъ Маіора Фолкмара изъ ... Имя ваше у насъ очень знакомо и въ почтеніи. — Етотъ Маіоръ, отвѣтствовалъ я, знакомъ мнѣ коротко; дѣло сіе надобно изслѣдовать. — О пожалуйтежъ потрудитесь, Господинъ Подполковникъ! возопилъ мнѣ Генералъ. Малой кажется мнѣ нимало не виновенъ. Я охотнѣе бы хотѣлъ его выпустить, и естьлибъ онъ принадлежалъ къ семейству сего браваго гусара, то порадовалсябъ еще тому, что могъ бы тѣмъ оказать ему услугу.

Въ послѣдующее утро пошелъ я къ нему, и по требованію моему разсказалъ онъ мнѣ подробно все то, что происходило съ нимъ съ того времени, какъ взятъ онъ въ неволю, и подтверждаетъ то, что онъ зять вашъ. И какъ всѣ мои угроженія жестокимъ наказаніемъ, въ случаѣ естьли онъ во зло употребляетъ имя столь храбраго мужа, его нимало не устрашали, да и все повѣствованіе его нашелъ я связнымъ и вѣроятнымъ; то разсудилъ я, о томъ нимало не медля вамъ донесть. Что производя симъ, прошу только меня увѣдомить, справедливо ли сіе его объявленіе?

Молодой человѣкъ называетъ себя Карломъ Вернеромъ, и говоритъ, что онъ сынъ одного Амтмана въ Шлезіи. Ростомъ своимъ онъ около 5 футовъ и шести дюймовъ, станомъ плотенъ, а лицемъ очень недуренъ и имѣетъ пріятной видъ.

Ускоряйте, какъ можно, вашимъ отвѣтомъ, дабы не услали его въ Прагу и тѣмъ дѣло не проволочилось и не получило множайшихъ затрудненій. Естьли онъ вашъ зять: то къ облегченію освобожденія его много поможетъ, ежели вы пріобщи-

общите притомъ письмо и къ Генералу . . . Я имѣю честь пребыть.

32.

Маіоръ Фолкмаръ къ Подполковнику Фогельсбергу.

Милостивое ваше напоминаніе нашей прежней и въ Дрезденѣ заключенной дружбы, произвело мнѣ чрезвычайную радость, а доказательство о продолженіи и великости вашего дружества обяжетъ меня вѣчно благодарностію.

Услуги, которыя имѣлъ я щастіе оказать вамъ въ прежнее время, столь малы и ничтожны въ сравненіи съ благодѣяніемъ, которое вы мнѣ нынѣ оказали, что не достойны и упоминанія. Вы отвалили отъ сердца моего камень, угнѣтавшій оное до безконечности, подарили цѣлую фамилію спокойствіемъ, котораго она лишилась. Какъ могу я въ состояніи быть возблагодарить вамъ за благодѣяніе цѣны столь великой?

Объявленіе молодаго человѣка, находящагося у васъ подъ стражею, совершенно справедливо. Онъ дѣйствительно зять мой, сынъ одного Амтмана въ Шлезіи

зіи, и вѣрно не шпіонъ. О семъ ремеслѣ сей изящной молодой человѣкъ не можетъ никогда и подумать безъ отвращенія. Я ручаюсь за справедливость объявленія его моею честію и всѣмъ своимъ добрымъ именемъ.

Вы сдѣлаете милость вашу совершеннѣйшею, естьли окажете мнѣ одолженіе и освободите ево, колико можно, скорѣе, и потомъ перешлете ко мнѣ съ надежными паспортами. Въ сходствіе совѣта вашего прилагаю при семъ письмо къ Генералу .. и прошу покорно о врученіи ему онаго.

Я повторяю мое признательнѣйшее благодареніе, и имѣю честь пребыть.

33.

Подполковникъ Фогельсбергъ къ Маіору Фолкмару.

Вотъ посылаю къ вамъ въ особѣ подателя сего письма, вашего погибшаго и паки обрѣтеннаго сына. Бѣдной молодой человѣкъ принужденъ былъ претерпѣть многое, и я искренно радуюсь, что я могъ еще благовременно сего невиннаго спасти, и столь достойному Офицеру оказать

зать тѣмъ нѣкоторую услугу. Но сію услугу полагаю я весьма въ высокую цѣну, изъ которой не уступлю ни малѣйшаго, а именно, чтобъ вы ощастливили меня за то вашимъ всегдашнимъ и драгоцѣннымъ дружествомъ.

Досадное и нещастное взятье сего молодаго человѣка подъ стражу, служитъ довольнымъ доказательствомъ тѣмъ ужаснымъ безпорядкамъ, которыя бываютъ въ большихъ арміяхъ, совсѣмъ вопреки данныхъ инструкцій начальникамъ. Таковыя бездѣльничества не рѣдко приписываются въ вину цѣлымъ арміямъ, ихъ называютъ за то варварскими, хотя онѣ въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ не таковы. Однако естьли только можно будетъ отыскать тѣхъ четырехъ бездѣльниковъ, которые злодѣйскимъ образомъ напали на сего молодаго человѣка, то въ страхъ другимъ накажутся они примѣрно. Таковыя мошенничества происходятъ совсѣмъ противъ высочайшихъ повелѣній, которыми хотя и велѣно каждаго проѣзжаго строго испытывать, и всѣхъ сумнительныхъ задерживать, но никому въ позволенныхъ дѣлахъ помѣшательства не дѣлать, а того меньше поступать съ нимъ непріятельски.

Я желаю вамъ и совершеннаго выздоровленія отъ вашихъ ранъ, и потомъ безпрерывнаго здравія и буду всегда.

и прочая.

34.

Маіоръ Фолкмаръ къ Господину Визенау.

Я посылаю къ тебѣ сіе письмо съ Іоганномъ, которому велѣно отъ меня скакать на куріерскихъ лошадяхъ. Сообщи въ сіюжъ минуту моей бѣдной больной Генріеттѣ радостное извѣстіе, что любезной ее Вернеръ живъ, здоровъ и находится здѣсь при мнѣ: вскорѣ будетъ онъ самъ писать обстоятельнѣе.

P. S. Для лучшаго подтвержденія приписываю я при семъ самъ. Я живъ, любезная Генріетта, я живъ и совершенно здоровъ. Вскорѣ множайшее.

Карлъ Вернеръ.

35.

Карлъ Вернеръ къ своей женѣ.

Ну! моя любезная Генріетта, тяжко было мнѣ вытерпливать, и обстоятельства,

ства, въ которыхъ я находился, ужъ можно сказать, что прямо были опасны, дурны и досадны. Обо всѣхъ йхъ разскажу я теперь обстоятельно, и напишу предлинное письмо, ибо самъ я моего бѣднаго, стараго, больнаго и печалію совсѣмъ изнуреннаго отца не покину прежде, пока не увижу его въ совершенной безопасности.

Отправившись отъ васъ, пріѣхалъ я 16 числа. . . мѣсяца послѣ обѣда къ отцу моему, и въ послѣдующее утро сѣвъ на его верьховыхъ лошадей отправился далѣе въ. . . . Не доѣзжая за милю до того мѣста, гдѣ находился твой родитель, покинулъ я моего слугу, по причинѣ приключившейся ему жестокой болѣзни, и какъ не хотѣлось мнѣ за тѣмъ останавливаться, то поспѣшалъ я далѣе и поѣхалъ одинъ.

Какъ мнѣ въ сихъ мѣстахъ часто ѣзжать случалось и дороги мнѣ довольно знакомы были, то своротилъ я съ большой дороги въ сторону и поѣхалъ для скорѣйшаго пріѣзда одною прямо туда лежащею тропинкою, которая чрезъ четверть часа завела меня въ густой и мнѣ довольно знакомой лѣсъ.

Не

Не успѣлъ я шаговъ сто въ ономъ отъѣхать, какъ въ самой близости отъ меня воспослѣдовалъ ружейной выстрѣлъ. Вмѣстѣ съ онымъ лошадь моя такой скачокъ въ сторону сдѣлала, что я съ нее свалился, а въ тотъ же часъ увидѣлъ я и самое повалившуюся ее на землю. Я не опомнился еще отъ удивленія, какъ напали на меня четыре человѣка съ винтовками въ рукахъ и съ шпагами при бедрѣ. Они связали мнѣ руки назадъ и оттащили меня въ лѣсъ далеко отъ дороги, гдѣ напали на меня вновь и ограбили чисто на чисто.

Я почиталъ сихъ людей разбойниками, и никакъ не думалъ, чтобъ были они Цесарскіе солдаты, но потомъ узналъ я, что были ето Шарфшицы; мало по малу пришолъ я въ себя, и какъ увидѣлъ, что они ничего противъ живота моего не предпринимали, а изъ всего того, что они между собою говорили, не разумѣлъ ни единаго слова потому, что говорили они совсѣмъ мнѣ незнакомымъ языкомъ: то надѣялся я, что они скоро меня отпустятъ, однако я въ томъ обманулся. Они остались еще на нѣсколько времени на томъ же мѣстѣ. Винтовки ихъ заряжены

жены и изготовлены были безпрестанно, и я догадывался, что ждутъ они множайшей добычи. Мало по малу натаскали они еще пятерыхъ и тогда пошли мы впередъ. Я просилъ умильнѣйшимъ голосомъ и униженнѣйшими поступками, чтобъ они меня отпустили; однако сіе такъ мало помогало, что они паче гнали меня впередъ прикладами. Что я при сихъ обстоятельствахъ претерпѣлъ, и какой трудъ переносилъ идучи по неровной дорогѣ съ завязаными назадъ руками; того описать я не въ состояніи: совсѣмъ тѣмъ не могъ я отважиться отстать ни на единой шагъ, буде не хотѣлъ претерпѣвать толчковъ и ударовъ. Они шли всѣ лѣсомъ, а гдѣ случилось выходить на прогалины, или переходить чрезъ поле, то мы принуждены были не столько итти, сколько ползти.

Насталъ наконецъ вечеръ, и мы дошли до разныхъ Цесарскихъ Гусарскихъ и Пандурскихъ форпостовъ, изъ которыхъ на одномъ въ первой разъ услышалъ я ужасное названіе: шпіонъ. Ну! тогда могъ я догадаться, какимъ человѣкомъ они меня почитали. И какъ мнѣ печальной жребій таковыхъ тварей былъ довольно знакомъ, то напалъ на меня такой

ужасъ,

ужасѣ, что я всѣмѣ тѣломѣ моимѣ дрожалѣ, какѣ вѣ лихорадкѣ.

На одномѣ изѣ помянутыхѣ отводныхѣ карауловѣ мы остановились, и меня связаннаго представили кѣ Офицеру. Онѣ сталѣ мнѣ говорить очень сурово, и такѣ худо по Нѣмецки, что я насилу могѣ догадаться, что онѣ хочетѣ видѣть мои пашпорты. Я хваталѣ вѣ карманахѣ, но они были такѣ пусты, какѣ бы вѣ нихѣ ничего не бывало. И какѣ я не могѣ ему никакихѣ предѣявить, то сталѣ онѣ говорить сѣ поимавшими меня, и по отвѣту ихѣ безѣ дальнихѣ околичностей обѣявилѣ меня шпіономѣ, и говорилѣ о такихѣ вещахѣ, о которыхѣ и одно напоминаніе приводитѣ меня вѣ трепетѣ.

Я не спалѣ во всю сію ночь, и ужаснѣе сей ночи не имѣлѣ во всей моей жизни. Приставленные ко мнѣ для караула люди поступали со мною наисуровѣйшимѣ образомѣ, и судьба моя была почти несносна. Поутру говорили, чтобѣ меня вести далѣе. Я былѣ столь слабѣ и вѣ такомѣ изнеможеніи, что сѣ великою нуждою могѣ подняться. Одинѣ старикѣ гусарѣ, Боже воздай сему добродушному! возѣимѣлѣ обо мнѣ сожалѣніе: онѣ отрѣ-

залъ превеликой ломоть хлѣба, полилъ ево виномъ и кусочками насильно совалъ мнѣ въ ротъ; симъ, равно какъ и глоткомъ сего напитка, влитаго имъ въ мой ротъ, подкрѣпленъ я былъ примѣтно. Онъ потрепалъ меня потомъ съ сожалѣніемъ по щекѣ, и пошолъ прочь, но что онъ говорилъ, того я не разумѣлъ нимало.

Тогда только одумался я и вспомнилъ, что записную мою книжку, въ которой лежали пашпорты, оставилъ я у Іоганна. Но что мнѣ не повѣрятъ въ томъ, то могъ я легко предвидѣть, и такъ оправдать себя не могъ я ничѣмъ, и чегожъ оставалось тогда ожидать? О Боже! какой страхъ объялъ тогда мое сердце! меня угрожало наистрашнѣйшее: и я находился въ смертельномъ ужасѣ, и какъ человѣкъ, приговоренной уже къ смерти.

* * *

Богу буди хвала и благодареніе, что я пріѣхалъ къ бѣдному и старому отцу моему благовременно, и могъ его спасти еще отъ смерти. Онъ почиталъ меня достовѣрно уже мертвымъ, и его собственная смерть была недалека. Едва осталось въ немъ столько уже силы, что

могъ

могЪ онЪ возвращенiемЪ моимЪ порадоваться, но теперь слава Богу мало по малу онЪ оправляется. И такЪ былабЪ самая жестокость, естьлибЪ мнѣ его теперь покинуть: а сверьхЪ того какЪ ты, любезная Генрiетта, уже знаешь, что я нахожусь теперь вЪ безопасности: то и сама охотно дозволишь, чтобЪ я здѣсь еще нѣсколько времени пробылЪ.

Родитель твой, благодаренiе Богу, оправляется довольно изрядно, и леченiе производится сЪ успѣхомЪ. Я нашолЪ его гораздо уже вЪ лучшемЪ состоянiи, нежели думалЪ. ГубертЪ пишетЪ ко мнѣ часто и всѣ его извѣстiя изрядныя.

О какЪже мнѣ жаль бѣднаго, честнаго старика Гребера! о смерти его узналЪ я отЪ Губерта. ЕтотЪ старой усачь не могЪ мнѣ безЪ слезЪ о томЪ сказывать, и я принужденЪ былЪ и самЪ сЪ нимЪ плакать. Боже! упокой душу сего добродушнаго человѣка! —— Теперь стану продолжать мое повѣствованiе далѣе.

Около полденЪ прибыли мы вЪ одну деревню, которая набита была полна Пандурами, Шарфшицами и Гусарами. ОфицерЪ, предЪ котораго меня представили, былЪ весьма доброй и ласковой человѣкЪ,

онѣ говорилѣ нарочито хорошо по Нѣмецки, и я примѣтилѣ, что онѣ взиралѣ на меня сѣ сожалѣніемѣ: и казалось, что ему жаль было того, что у меня не было пашпортовѣ, онѣ распрашивалѣ меня обо всемѣ подробно, и наконецѣ сказалѣ: худенько будетѣ тебѣ ѣхать бѣднякѣ. Я долженѣ тебя отослать далѣе: Боже помози тебѣ бѣдному! Вѣ доказательство сожалѣнія своего велѣлѣ онѣ мнѣ дать немного поѣсть, да рюмку вина. Но по видимому не много было и у самаго сего добраго человѣка.

Послѣ обѣда сковали меня вѣ желѣза, посадили вѣ телѣгу и повезли далѣе. Страхѣ и трепетѣ проницалѣ всѣ кости мои при помышленіи о будущемѣ. Мы доѣхали скоро до. . . . тутѣ стояла пѣхота. — Полковникѣ. . . . Офицерѣ бравой и добродушной сталѣ меня допрашивать. Что онѣ человѣколюбивое имѣлѣ сердце, ето я довольно видѣлѣ; но освободить ему меня хотя хотѣлось, но было невозможно. Между тѣмѣ снабдилѣ онѣ меня добрымѣ совѣтомѣ, которому я потомѣ, и кѣ великой моей пользѣ, и послѣдовалѣ, и подарилѣ меня однимѣ гульденомѣ.

Мо-

Моглобъ можетъ быть послужить много къ моей пользѣ, естьлибъ я откровенно сказалъ, въ какомъ родствѣ нахожусь я съ твоимъ родителемъ: ибо я послѣ провѣдалъ, сколь много прославился онъ своею саблею, и въ какомъ почтеніи находился у самыхъ непріятелей. Но я объявить сего не могъ отважиться изъ опасенія, чтобъ не увеличить чрезъ то подозрѣнія о себѣ болѣе, и худое свое дѣло не сдѣлать тѣмъ еще хуждшимъ. Я ссылался только на мою невинность, на мое имя, и на моего отца, и просилъ чтобъ благоволено было только отписать къ нему, какъ справедливость объявленія моего и означится: но сіе почитали великими околичностьми и неудобствомъ.

Человѣколюбивой Полковникъ отправилъ меня далѣе, и меня привезли наконецъ въ Цесарской главной лагерь. Какъ я сіе мѣсто почиталъ тѣмъ, гдѣ моя судьба рѣшится: то страхъ и трепетъ во мнѣ увеличился. Совсѣмъ тѣмъ дѣло пошло лучше, нежели я думалъ: меня допрашивали нѣсколько разъ, и очень строго. Предлагали множество уловляющихъ вопросовъ, извлекали слѣдствія и дѣлали заключенія изъ моихъ отвѣтовъ,

 кото-

которые были недовольно для нихъ ясны, и говорили съ такими жестокими угрозами, что я истинно не знаю, откуда взялась во мнѣ при сихъ обстоятельствахъ бодрость и твердодушіе, которому при оправданіи моемъ и защищеніи себя удивлялись.

* * *

Я имѣю чрезвычайное удовольствіе видѣть любезнаго моего отца, при смотрѣніи и хожденіи моемъ за нимъ, опять обмогающагося. Сегодня объявилъ онъ мнѣ принятое имъ намѣреніе, которое наполнило духъ мой радостію, а и тебѣ послужитъ вѣрно къ немалому удовольствію. Когда годы аренды его пройдутъ, что воспослѣдуетъ скоро: то пріѣдетъ онъ къ намъ и будетъ жить вмѣстѣ съ нами. О моя любезная Генріетта! всѣ желанія мои тогда совершатся, и я буду совершенно щастливъ.

Милые наши старики изъ. . . . пріѣзжаютъ къ намъ часто. Отецъ Улрихъ едва было не умеръ отъ радости, какъ узналъ онъ о моемъ избавленіи. Слезы покатились у милаго сего старичка изъ глазъ отъ радости, какъ увидѣлъ и обнялъ меня въ первой разъ, и изъ устъ его

его излились неизчетныя благодаренія Богу за спасеніе меня: такъ что мы не могли всѣ отъ слезъ удержаться. Онъ далъ мнѣ прочесть твои къ нему письма. Какъ благодарю я тебя, милая, любезная жена, за находящіяся въ нихъ доказательства твоей нѣжной любви ко мнѣ. Я напрягу всѣ силы мои для возмездія тебѣ за сіе. — Теперь дозволь мнѣ продолжать далѣе мою повѣсть.

Находясь въ главномъ лагерѣ услышалъ я, что Королевская Прусская армія изъ Богеміи вышла, и видѣлъ въ Цесарьской арміи дѣлаемыя пріуготовленія къ выступленію изъ лагеря въ спокойнѣйшія квартиры. Судьба моя была еще все не рѣшена, и стали говорить, что отправятъ меня въ Прагу. Сіе извѣстіе поразило меня ужаснымъ страхомъ, и я положилъ не утаевать болѣе близкаго родства моего съ твоимъ родителемъ, въ надеждѣ, что сіе объявленіе побудитъ судей моихъ разпровѣдать обо мнѣ точнѣе. Объявленіе мое выслушали, но качали притомъ головою, почитая сіе вымышленнымъ объявленіемъ, для продолженія единаго времени и отсрочки моей казни.

Послѣдняя ночь предъ освобожденіемъ моимъ была для меня наиужаснѣйшая. Въ оную получилъ я въ заточеніе свое товарища, которой былъ дѣйствительной и обличенной шпіонъ. Не могу безъ ужаса и содроганія вспомнить тѣхъ разговоровъ, которые имѣли съ нами наши караульщики, или паче, которыми они насъ мучили. Онъ и я были, по ихъ мнѣнію, равные преступники, а потому и осуждали они обоихъ насъ къ равному наказанію. Я ожидалъ наступающаго дня со страхомъ и трепетомъ.

Въ восемь часовъ утра вошолъ Офицеръ въ нашу темницу. Кто изъ васъ обоихъ, спросилъ онъ, называется Вернеръ? —— Я сказалъ ему о себѣ. Онъ поглядѣлъ на меня нѣсколько. Я примѣчалъ въ лицѣ его нѣчто благородное и въ видѣ его нѣчто милостивое. Все сіе вперило въ меня нѣкое упованіе. —— Я слышу, — сказалъ онъ мнѣ наконецъ, — что сказываешся ты ближнимъ родственникомъ Прусскаго гусарскаго Маіора Фолкмара — Такъ: ето дѣйствительно правда. Онъ тесть мнѣ. —— Я знаю сего господина очень коротко: но послушай! ежели ты солгалъ и во зло употребилъ

имя

имя сего храбраго Офицера, то ты ускоришь только тѣмъ своимъ наказаніемъ и увеличишь оное. —— Ежели это не такъ, то подвергаю я себя еще сегодняжъ наижесточайшей смертной казни. Вы избавите нещастнаго невиннаго человѣка отъ напасти имъ претерпѣваемой, и ощастливите цѣлую фамилію, естьли окажете мнѣ милость и соблаговолите отписать обо мнѣ къ господину Маіору. Онъ лежитъ боленъ отъ ранъ въ. . . . Я ѣхалъ къ нему и онъ находится теперь въ превеликой заботѣ обо мнѣ. Ежели окажется, что я неправду говорю; то дѣлайте со мною, что хотите.

Все сіе объявленіе дѣлалъ я ему съ такою непринужденностію и вольнымъ духомъ, что ему оное понравилось. Онъ говорилъ со мною очень милостиво, и обѣщалъ въ тотъ же еще день писать къ Господину Маіору.

Тогда возобновились паки всѣ мои надежды, и ужасное смущеніе, замучившее меня почти до смерти, меня оставило; совсѣмъ тѣмъ остался я еще въ своей темницѣ и по прежнему въ оковахъ.

Въ послѣдующей день послѣ обѣда вошелъ къ намъ Офицеръ, велѣлъ снять

съ

съ меня оковы, разговаривалъ со мною благопріятно и отвелъ меня къ Генералу. . . . Предъ ставкою онаго принялъ меня Подполковникъ Фогельсбергъ, самой тотъ милостивой Офицеръ, которой приходилъ ко мнѣ наканунѣ. Онъ взялъ меня за руку, и пожавъ ее сказалъ: объявленіе ваше справедливо. Генералъ освободитъ васъ теперь же и въ сію минуту изъ неволи. Внезапная радость такъ меня поразила, что я не въ состояніи былъ ему отвѣтствовать, но вошелъ шатаясь почти, ведомый имъ за руку предъ Генерала.

Мнѣ очень жаль, мой другъ, сказалъ онъ мнѣ, что вы принуждены были столь долго находиться въ обстоятельствахъ столь досадныхъ. Но намъ не можно было инако поступить; для чего таили вы такъ долго родство ваше съ господиномъ Фолкмаромъ. Давно бы васъ сіе обстоятельство освободило. Теперь вы освобождаетесь совѣршенно, и Господинъ Подполковникъ постарается уже о доставленіи васъ безопасно къ Господину Маіору. Увѣрьте сего храбраго Офицера о моемъ почтеніи къ нему.

Какъ

Какъ я между тѣмъ, какъ онъ сіе говорилъ, имѣлъ время собраться нѣсколько съ духомъ, то въ состояніи уже былъ изъявить ему мою благодарность. Я поцѣловалъ съ подобострастіемъ его руку, и Подполковникъ вывелъ меня вонъ.

И такъ сему добродушному и честному человѣку, сему почтенія достойному и человѣколюбивому мужу, обязанъ я благодарностію за избавленіе меня отъ опасности, коею угрожаема была и жизнь и честь моя. Имя его будетъ для меня незабвенно, и никакой вѣкъ не истребитъ изъ памяти моей оказаннаго имъ мнѣ толь великаго благодѣянія.

* * *

Подполковникъ Фогельсбергъ отправилъ меня съ письмомъ къ Господину Маіору подъ довольнымъ прикрытіемъ гусаръ до перваго нашего отводнаго караула. Трубачь перевелъ меня къ оному, и какъ мнѣ ничего уже не мѣшало, то продолжалъ я мою ѣзду и прибылъ скоро къ нашему любезному родителю.

Радость его при усмотрѣніи меня была неописанна. Съ какою отеческою нѣжностію охватилъ онъ меня въ свои объятія! я видѣлъ его проливающаго отъ радо-

радости слезы, его наилучшаго изъ отцовъ, и я тронутъ былъ тѣмъ такъ сильно, что омочилъ и лицо и руки его моими слезами.

А старой и честной Губертъ отъ радости былъ внѣ себя. Онъ схвативъ мои руки и жалъ, и цѣловалъ, и омочалъ ихъ слезами. Какже постараюсь я впередъ о услажденіи жизни сему милому и любезному старику! Мы будемъ содержать его такимъ же образомъ, какъ стараго Гребера, о смерти котораго я сердечно сожалѣю.

Батюшка мой былъ уже предварительно обо мнѣ и о моемъ благополучномъ освобожденіи увѣдомленъ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда явился верьховой, присланной нарочно отъ него за мною; я отправился тотчасъ съ нимъ въ путь, и нашелъ любезнаго и сожалѣнія достойнаго отца въ такомъ состояніи, которое поразило мое сердце. Печаль, тоска и сокрушеніе совсѣмъ его измозжило. Лицо его было блѣдно и опало, а глаза ввалились въ ямы. Онъ простеръ руки свои ко мнѣ, назвалъ меня воскресшимъ изъ мертвыхъ, и упалъ на рукахъ моихъ въ обморокъ. Коль нещастливъ, любезная Генріетта, былъ бы

твой бѣдной Карлъ, естьлибъ ненавистное сїе приключенїе лишило жизни наилучшаго отца. Но Богу буди благодаренїе, что прїѣхалъ я довольно еще благовременно для отвлеченїя его отъ гроба, въ которой повергнуть себя былъ онъ совсѣмъ готовымъ. Нынѣ, къ неописанной радости моей, находится онъ внѣ всякой опасности, и какъ я силы его ежедневно прибавляющимися и бодрость умножающеюся вижу, то имѣю основательную надежду увидѣть его въ немногїя недѣли совершенно опять здравымъ.

Вотъ тебѣ, любезная Генрїетта, вся моя странная и нещастная повѣсть! Страхи и нужды претерпѣлъ я ужасно сколько, однако все благополучно перенесъ. Правда, что долженъ я самъ себѣ дивиться, что силъ моихъ было къ тому довольно, и что нещастїе сїе не свалило меня съ ногъ: но отецъ Улрихъ говоритъ, что здоровой юноша можетъ перенесть ужасно много, но не должно притомъ позабывать и о Божескомъ весьма сильномъ подкрѣпленїи. Онъ и правду говоритъ, старикъ любезной; безъ Божескаго вспоможенїя давно бы я погибъ, но я за то и стану прославлять Его во всю жизнь мою.

Я цѣлую тебя и твою любезную родительницу, и есмь

и прочая.

36.

Господинъ Визенау къ Маіору Фолкмару.

Слава Богу! письмецо твое пришло сюда въ надлежащее еще время, и успѣло еще извлечь любезную твою Генріетту изъ челюстей смерти, въ которыхъ она уже находилась. Благодарить должно честнаго Іоганна, что онъ не поскучилъ употребить всѣ свои силы и возможности къ поспѣшенію сюда съ онымъ. Я ужасаюсь, когда помышляю о томъ короткомъ времени, которое онъ былъ въ дорогѣ, и не дивлюсь тому, что онъ въ цѣлые три дня не могъ еще хорошенько отдохнуть и оправиться.

И такъ могу я теперь тебя тѣмъ пріятнымъ извѣстіемъ обрадовать, что дочь твоя находится внѣ опасности. Никакой бы врачь не въ состояніи былъ ее вылечить: ибо болѣзнь свирѣпствовала во внутренности души ея. Теперь она изцѣлена, и Докторскія лѣкарства помогли изнемогшему тѣлу столь много, что чрезъ

ко-

короткое время она совершенно оправится и по прежнему цвѣсть станетъ.

Супруга ваша, отъ которой письмо при семъ прилагаю, находится, поелику обстоятельства дозволяютъ, въ добромъ здоровьѣ. Правда, ужасныя извѣстія поразили обѣихъ ихъ неизреченною печалію, и я опасался, чтобъ она не слегла въ постелю, а особливо судя по ея и безъ того слабому сложенію тѣла; однако Всевышній сохранилъ ее для подкрѣпленія больной ея дочери.

Обѣ онѣ просили меня соединить съ ихъ прозьбою и мою совокупно, о преклоненіи тебя, возлюбленнаго нашего, чтобъ ты послѣ вторичныхъ и толь тяжкихъ ранъ взялъ свой абшидъ. Я обѣщалъ имъ сіе исполнить, и сдѣлать сіе конечнобъ и самъ совѣтовалъ; но какъ мнѣ особое расположеніе въ таковомъ случаѣ твоихъ мыслей довольно знакомо, то не отваживаюсь я убѣждать тебя къ тому сильно; но оставляю сіе на собственное твое благоразсмотреніе и волю.

37.
Генріетта къ Карлу Вернеру.

Послѣ столь многихъ печальныхъ и мрачныхъ дней просіяло наконецъ опять для меня солнце, и я наслаждаюсь его чистымъ и просіявшимъ свѣтомъ, и оживотворяющею его теплотою. Ахъ, бѣдной Карлъ! сколько ты претерпѣлъ! — въ какихъ опасностяхъ находился! При читаніи твоего письма не одинъ разъ я въ трепетъ приходила. Я сострадала съ тобою при каждомъ случаѣ, и бравъ соучастіе во всемъ, проливала о тебѣ слезы.

Такъ! и ето не ложно, что обязана я войнѣ за весьма многое доброе, однако и безъ зла она меня не оставила. Прежняя лишила меня отца и матери, коихъ обоихъ нынѣшняя мнѣ возвратила. Но сія нынѣшняя повергла меня въ опасность лишиться опять возлюбленнаго родителя, а съ нимъ вкупѣ и любезнаго мужа. О когдабъ угодно было Богу преклонить Государей къ заключенію между собою златаго мира, и тѣмъ лишить меня всѣхъ заботъ о первомъ!

Ма-

Матушка моя, я-и ГосподинЪ Визенау, согласясь всѣ вмѣстѣ, просили его усердно, чтобЪ онЪ взялЪ нынѣ свой абшидЪ, тѣмЪ паче что ему теперь сЪ честiю и безЪ всякаго нарѣканiя учинить то можно. МожетЪ быть онЪ дастЪ себя преклонить! Однако Визенау говоритЪ, что ежели раны его такЪ залечены будутЪ, что послѣ нихЪ ничего не останется, то надежды кЪ тому очень мало: дѣло иное, ежели послѣдуетЪ противное; но можно ли кому желать, чтобЪ сей противной случай сЪ нимЪ воспослѣдовалЪ? Всевышнiй сохрани его отЪ того! — Присоедини и ты любезной КарлЪ свою прозьбу кЪ нашей; а естьлибЪ и твой родитель и добродушной ПасторЪ УлрихЪ тоже бы сдѣлали, то можетЪ бы онЪ насЪ всѣхЪ и послушался.

Болѣзнь моя сЪ самаго того времени, какЪ я узнала о тебѣ, гораздо уменьшилась, и я нахожусь теперь довольно изрядно. Правда, находилась бы еще лучше, естьлибЪ и ты былЪ при мнѣ: однако я не столь безразсудна, чтобЪ хотѣла тебя убѣждать оставить твоего бѣднаго больнаго отца, претерпѣвшаго о тебѣ

столь много. Нѣтъ, нѣтъ любезной Карлъ! будь себѣ при любезномъ и драгоцѣнномъ своемъ родителѣ, и оставайся при немъ покуда онъ совершенно выздоровѣетъ и тебѣ самъ скажетъ, что онъ безъ тебя пробыть уже можетъ.

О Карлъ! не упусти подкрѣплять съ своей стороны намѣреніе его переѣхать сюда и жить вмѣстѣ съ нами. Помысли только о той сладкой и восхитительной радости, которою объяты будемъ мы всѣ, когда въ сообществѣ столь достойныхъ отцовъ дни свои въ радостяхъ проживать станемъ, и они нами станутъ утѣшаться. Подлинно блаженно єто время будетъ; когдабъ оно уже скорѣе наступило.

Прости и будь благополученъ, любезной Карлъ, а я есмь и пр.

38.

Маіоръ Фолкмаръ къ Господину Визенау.

Ты отпустишь мнѣ, любезной Вильгельмъ, что я отвѣтомъ на твое послѣднее письмо нѣсколько поумѣдлилъ, и

толь-

только теперь на оное отвѣтствую. Съ одной стороны не было ничего нужнаго о чемъ бы къ тебѣ писать, а съ другой занятъ я былъ дѣлами, касающимися до моего эскадрона, которой претерпѣлъ ущербъ, и въ отсутствіе мое пришелъ въ нѣкоторой безпорядокъ.

Нахожусь я въ нарочитомъ состояніи. Раны мои всѣ, выключая находящейся на затылкѣ, залечены, и осталось только теперь употреблять лучшія пищи противъ прежнихъ, отъ чего силы мои со всякимъ днемъ пріумножаются, и недѣли чрезъ три или чрезъ четыре надѣется лекарь меня изъ своихъ рукъ выпустить.

Говоришь ты, чтобъ я взялъ абшидъ, любезной Вильгельмъ! —— да! совѣтъ твой не льзя назвать несправедливымъ, а и желанія моей фамиліи не безосновательны; однако о томъ помолчимъ еще на время. Я имѣю надежныя и достовѣрныя извѣстія, что нѣкоторыя иностранныя державы употребятъ всѣ свои силы и возможности къ примиренію воюющихъ державъ между собою. Король Фридрихъ, любящій миръ, простретъ вѣрно и великодушно свою руку; а знаю я, что и

при Цесарскомъ Дворѣ охотнѣе бы нынѣ миръ нежели войну имѣли.

При таковыхъ обстоятельствахъ легко случиться можетъ, что миръ еще нынѣшнею же зимою воспослѣдуетъ. И такъ ежели и сїе совершится, то требованїю моему абшида ничто мѣшать не будетъ, тогда можно и безъ меня обойтися, и я почту покой оставшихъ моихъ дней довольно уже заслуженнымъ. Естьлижъ не совершится, тогда посмотримъ напередъ каково будетъ мое здоровье, и въ какихъ обстоятельствахъ находиться будетъ мое тѣло: ибо я положилъ твердо до тѣхъ поръ Королю моему и отечеству служить вѣрно и ревностно, покуда мнѣ можно, котябъ и сопряжено то было съ нѣкоторою для меня трудностїю.

О семъ пунктѣ въ письмахъ къ моей женѣ я не упоминалъ, но ты сдѣлаешь мнѣ одолженїе, и изъявишь ей расположенїе моихъ мыслей, и постараешся о томъ, чтобъ дѣло сїе оставлено было единому моему произволу, а впредь о семъ не былобъ болѣе и помышляемо.

Жалованье, получаемое до сего старымъ Греберомъ, откладывайте для Губерта.

берта. Какъ миръ воспослѣдуетъ, то хочу, чтобъ сей старой и доброй рубачь взялъ свой абшидъ и ѣлъ бы свой хлѣбъ у меня съ покоемъ. Онъ оказалъ мнѣ много и довольно важныхъ услугъ, и я обязанъ ему благодарностію и долженъ воздать оную. Впрочемъ остаюсь.

39.

Карлъ Вернеръ къ своей женѣ.

Хотя отецъ Улрихъ мнѣ и отговаривалъ утруждать родителя твоего прозьбою о томъ, чтобъ онъ взялъ свой абшидъ, говоря, что сіе надлежитъ оставлять на собственное его и лучшее нашего благоразсмотреніе, однако я его не послушалъ, а исполнилъ твое хотѣніе. —— Отвѣта на сіе письмо принужденъ я былъ дожидаться нарочито долго, но и въ ономъ не упомянуто было о томъ ни единымъ словомъ. Изъ сего заключаю я, что прозьба моя была ему непріятна: потому не отважусь уже болѣе, упоминать ему о томъ.

Здѣсь начали уже очень сильно поговаривать о мирѣ, и вѣроятія достойные люди утверждаютъ, что слухъ сей и не безъ основанія. Въ Бреславль прибылъ уже Россійской Императорской Посланникъ, и говорятъ, что уполномоченъ онъ для договоровъ о мирѣ. А какъ и другія высокія державы трудятся о преклоненіи къ миру, и Король нашъ не имѣетъ отъ онаго отвращенія; то можетъ быть наше усердное и общее всѣхъ желаніе и совершится: и какое бы щастіе было то для насъ! Даруй Небо, чтобъ сіе исполнилось. Родитель мой оправился наконецъ совершенно, и получилъ всю прежнюю свою бодрость; однако между тѣмъ имѣю я новую причину быть печальнымъ, а будешь и ты также. Занемогъ у насъ любезной нашъ старичокъ отецъ Улрихъ. Я былъ вчера у него и нашелъ его хотя нарочито спокойнымъ, но нѣкоторыя обстоятельства ни мало мнѣ не нравятся. Въ его лѣты всякая болѣзнь опасна и смертоносна:

и прочая.

40.

40.

Отъ него же къ женѣ своей.

Я пишу къ тебѣ сегодня съ сокрушеннымъ сердцемъ и ліющимися слезами. Ахъ любезная Генріетта! его уже нѣтъ болѣе, его нѣтъ! нашего достойнаго и любезнаго старца, нашего милаго, честнаго и добродушнаго отца въ. . . . и за нѣсколько дней мы уже сиротами. Мой родитель, потерявшей въ немъ своего стараго достойнаго друга, своего совѣтника и наставника, оплакиваетъ его искренними слезами. А приходъ его! надобно чтобъ всѣ его весьма любили, въ каждомъ домѣ плачутъ старые и молодые, равно такъ какъ бы въ каждомъ домѣ было усопшее тѣло. Но никто такъ не жалокъ, какъ милая оставшаяся его старушка. Совсѣмъ тѣмъ изъявляетъ она удивительную твердость духа, и утѣшаетъ себя надеждою, что скоро и сама за нимъ послѣдуетъ.

Я видѣлъ сего любви достойнаго старца умирающаго, и одна рука его была тогда въ моихъ рукахъ, когда блаженная душа его изходила изъ тѣла. О! —— ми-

минуты сіи были для меня очень поучительны, и пребудутъ на вѣкъ таковыми!

Весьма чувствительно, любезная Генріетта, неизреченно чувствительно видѣть такова благочестиваго мужа и столь любезнаго старца умирающаго. Онъ узналъ часъ своей кончины, и сказалъ намъ оной со взоромъ изъявляющимъ радость. Разговоры его со мною состояли въ поощреніяхъ меня быть всегда набожнымъ и добродѣтельнымъ, а молитвы его возносили и мой духъ до престола Господня. Наконецъ распрощался онъ со всѣми нами, стоящими вокругъ его, и благословилъ насъ всѣхъ отеческимъ своимъ благословеніемъ; напослѣдокъ ухватилъ онъ мою руку, и пожалъ ее слабо: скажите моей любезной Генріеттѣ, что умираю я съ сердцемъ преисполненнымъ отеческою любовію къ ней, что отхожу къ небесному Отцу нашему, и тамъ буду молить Господа объ ней, что даю ей отеческое мое благословеніе. —— Слезы текли изъ глазъ моихъ при семъ столь изобильно, что вся его рука оными омочилась.

Послѣднія сіи слова выговаривалъ уже онъ прерывающимся голосомъ; по оконча-

чанiи оныхъ казалось что онъ преклонялся ко сну, и мы дѣйствительно подумалибъ, что онъ заснулъ, естьлибъ вскорѣ смертельная блѣдность не распростерлась по всему лицу его; онъ скончался, и души уже не было въ немъ болѣе. О Генрiетта, когда бы и намъ въ свое время такимъ образомъ умереть какъ сей праведникъ!

Сегодня послѣ полудня предали мы тѣло его землѣ. О какое жалкое зрѣлище было при семъ! Всѣ жители села провожали его со слезами до гробницы. Они оплакивали въ немъ своего наставника и отца; обоими сими былъ онъ дѣйствительно болѣе нежели многiе другiе Пасторы. Старой Пасторъ изъ . . . такой же добродушной и любви достойной старецъ и истинной другъ покойниковъ, говорилъ надгробную рѣчь надъ нимъ. Душа моя была такъ тронута, что я рыдалъ въ слухъ и во всю церковь. Всѣ стоявшiе вокругъ плакали. Какъ гробъ въ послѣднiй разъ разкрыли, то поцѣловалъ я его руку, омочилъ ее своими слезами, и велѣлъ ихъ погребсти съ нимъ вмѣстѣ.

Итакъ лишились мы теперь сего милаго и любезнаго отца нашего. Мысль о семъ для меня неизреченно печальна, и я сокрушился бъ ею, естьли бы не научилъ онъ меня знать лучшій свѣтъ, въ которомъ мы нѣкогда вѣрно его опять увидимъ.

Намѣреніе родителя моего переѣхать жить къ намъ, смертію сею еще болѣе утвердилось. По потеряніи сего стараго и вѣрнаго друга не удерживаетъ его уже ничто въ мѣстахъ здѣшнихъ, и онъ желаетъ уже самъ, чтобъ срокъ окончанію его откупа наступалъ скорѣе.

Родителя твоего о кончинѣ стараго его друга я увѣдомилъ. Онъ имѣлъ къ нему чрезвычайное почтеніе, называлъ его своимъ братомъ и будетъ вѣрно проливать объ немъ слезы.

Прости и будь благополучна, любезная Генріетта! не сокрушайся слишкомъ о смерти твоего отца, оплакивай сего прабодушнаго, онъ достоинъ того, и осушай слезы свои вѣрною надеждою, что мы будемъ нѣкогда жить съ нимъ паки вмѣстѣ.

41.
Маіоръ Фолкмаръ къ Господину Бизенау.

Не осердишся ли ты на меня любезной Вильгельмъ, что отвѣтъ мой укоснѣлъ такъ долго, однако нѣтъ, ты сего вѣрно не сдѣлаешь: ибо ты увѣренъ, что не небреженіе и не оскудѣніе дружества моего къ тебѣ тому причиною, но разныя дѣла по службѣ, которыя иному ввѣрить и поручить мнѣ было не можно, заняли такъ все мое время, что мнѣ никакъ не можно было заниматься нуждами моей фамиліи; между тѣмъ однако мысленно бываю я часто у васъ, а сердце мое всегда посредѣ васъ.

Теперь могу я съ достовѣрностію тебя увѣдомить, что въ кабинетахъ съ великою ревностію о мирѣ трудятся; и ты не допускай ни мало себя смущать военнымъ извѣстіямъ, приходящимъ изъ верхней Шлезіи, гдѣ неоспоримо дерутся и рубятся, и для нихъ вѣрить мнѣ ни мало не сомнѣвайся. Посредѣ самаго сего страшнаго звука оружія родится прекрасной миръ, и мы рожденіе его будемъ торжествовать съ радостію. Вскорѣ услышишь

ты

шы о перемиріи, а тогда сойдутся, ударятъ по рукамъ, и помирятся.

Я теперь совершенно выздоровѣлъ и отъ ранъ моихъ не чувствую никакой боли, а только не много жосткости въ затылкѣ; за щастіе сіе по Богѣ обязанъ я благодарностію искуству изящнаго лекаря, присланнаго ко мнѣ купцомъ. . . . изъ Бреславля. Человѣкъ сей былъ долгое время при мнѣ, имѣлъ много трудовъ и безпокойства. Таковое благодѣяніе достойно было знаменитаго награжденія, я далъ ему вексель на купца. . . . въ полтораста червонцовъ. Какъ скоро мнѣ можно будетъ, то поѣду я въ Бреславль, и съ симъ честнымъ человѣкомъ сочтуся; а тогда постарайся уже ты любезной Вильгельмъ, чтобъ по всѣмъ его требованіямъ учинена была скорая заплата.

Обстоятельства мои чрезъ щастливое найденіе моей жены и дочери и чрезъ замужство сей послѣдней хотя и весьма перемѣнились: однако распоряженіе, сдѣланное мною обо всѣхъ, когда былъ я еще одинъ, остается въ своей силѣ. Никто не долженъ ничего потерять для обрѣтеннаго мною щастія. По благости Господней

дней останется еще всего довольно, а добрымъ хозяйствомъ пріумножится еще больше, и фамилія моя не можетъ никакова недостатка опасаться: объяви о семъ въ деревняхъ моихъ всѣмъ, которые получаютъ отъ меня жалованье, дабы никто изъ нихъ не опасался будущаго недостатка и тѣмъ не печалился.

Болѣе сего ничего не знаю, о чемъ бы мнѣ тебя увѣдомить; все относящееся въ особливости до жены моей и до дочери содержится въ приложенномъ при семъ письмѣ; а ежели что важное здѣсь произойдетъ, о томъ не премину тебя увѣдомить. Я есмь и проч.

42.

Генріетта къ Карлу Вернеру.

Твое послѣднее письмо, которымъ увѣдомляешь ты меня о неожидаемой кончинѣ моего любезнаго отца, погрузило меня въ печаль наиглубочайшую. И такъ нѣтъ уже его, милаго и драгоцѣннаго мужа! и судьба не допустила меня ево еще разъ видѣть, и изъ устъ его слышать

шать отеческое себѣ благословеніе. Правда, онъ благословилъ меня, отецъ дражайшій, но естьлибъ могла я съ нимъ проститься и въ послѣдній разъ облобызать уста его: то было бы сіе для меня не малымъ утѣшеніемъ.

Весьма не худо, любезной Карлъ, что желаешь ты, чтобъ и намъ такимъ же образомъ умереть, какъ сей праведникъ: но когда сего мы желаемъ, то надобно намъ такимъ же образомъ и жить, какъ онъ жилъ. Я имѣла щастіе цѣлыхъ 18 лѣтъ имѣть образцомъ себѣ его святое житіе. Отъ самаго младенчества до совершеннаго моего возраста, росла я будучи руководствуема его вѣрною и надежною рукою. Очень рано научилъ онъ меня познавать добродѣтель, показалъ мнѣ ея прелестной видъ и научилъ меня любить оную. Онъ былъ ненавистникомъ всякаго суевѣрія и предразсудковъ, и наставленіе, данное имъ мнѣ о законѣ, сдѣлало меня истинно благополучною и сдѣлаетъ впредь еще благополучнѣйшею.

Ахъ! онъ былъ мнѣ все и все, отецъ, учитель, другъ, совѣтникъ и все. Безконечно многимъ я ему обязана.

и,

и нынѣ наградитъ и въ тысячу разъ воздастъ ему за то Всемогущій, которому служилъ онъ толь ревностно и усердно, котораго любилъ столь горячо, и коему съ толикимъ упованіемъ поклонялся.

Ну! теперь онъ щастливъ и въ блаженствѣ. Слезы мои не возвратятъ уже онаго мнѣ; но ежелибъ и могли, то должна ли я того желать? Для меня ли оставить ему жилище радостей, къ которому стремились всѣ желанія его, которое было цѣлію всего путешествія его? нѣтъ! Было бы весьма несправедливо, естьлибъ похотѣла я того требовать; но въ моемъ благодарномъ дѣтскомъ сердцѣ да обитаетъ онъ вѣчно, и всякой разъ, когда я его ни вспомню, а сіе будетъ случаться часто; напоминаніе объ немъ да будетъ мнѣ поощреніемъ къ послѣдованію его ученіямъ и совѣтамъ, дабы и я, окончивъ свою жизнь, могла туда достичь гдѣ нынѣ онъ, и тамо жить съ нимъ вѣчно.

О удрученной печалію его вдовѣ буду я дѣтское имѣть попеченіе. Покуда

 живъ

живъ будетъ мой родитель и жива будетъ она, не будетъ ей ни въ чемъ недостатка. Ахъ! когда бы могла она здѣсь у насъ жить: какъ бы хотѣла я стараться заплатить ей нѣкоторую часть долга; ибо всего заплатить я ей никогда не въ состояніи, которымъ я ей обязана. Но для предпріятія толь дальнаго пути она надмѣру уже стара и не имѣетъ болѣе силъ къ тому потребныхъ; отдай ей самъ вложенное при семъ письмо, посѣщай ее чаще, и подкрѣпляй ее утѣшеніями въ ея печали.

Извѣстія твои о мирѣ подтверждены моимъ родителемъ: и такъ можно намъ его уже надѣяться, его, пріятнаго и сладкаго мира. —— О, когда бы скорѣе надежда и ожиданіе наше совершилось! Златые плоды принесетъ онъ намъ, и мы съ благодарностію къ Подателю онаго будемъ имъ наслаждаться.

Но когда же буду я имѣть радость обнять тебя любезной Карлъ; отсутствіе твое продлилось уже съ цѣлой вѣкъ, родитель твой нынѣ уже выздоровѣлъ и уже мо-

можетъ безъ тебя обойтися. Еще ли лишаться мнѣ твоего присутствія столь мнѣ необходимо надобнаго? У меня есть для тебя одна новизна, одна прямо пріятная, какъ мнѣ кажется, вѣсточка, но которую должна я тебѣ сказать изустно и сказать съ поцѣлуемъ. Писать о томъ къ тебѣ я не могу, да таки и не хочу, а то бы я уже давно могла. Ежели ты хочешь скорѣе ее услышать, то поспѣшай въ мои объятія. Но я запрещаю тебѣ отгадывать, а то какъ догадаешся, такъ не такъ скоро спѣшить будешь.

и прочая.

43.

Маіоръ Фолкмаръ къ Господину Визенау.

Слава Богу, любезной Вильгельмъ, что могу сообщить тебѣ теперь извѣстіе о щастливомъ исполненіи моихъ предсказаній: какъ я тебѣ писалъ, такъ и сдѣлалось. Вчера объявлено было въ обѣихъ арміяхъ перемиріе, и теперь живемъ мы въ вожделѣнномъ покоѣ. Въ городѣ Тешенѣ, лежащемъ въ верьхней Шлезіи, открытъ мирной конгрессъ; и какъ о главныхъ

ныхъ пунктахъ, за которые произошла война между высокими державами, втайнѣ уже соглашенось, то съ надежностію можемъ уповать, что чрезъ короткое время ощастливлены мы будемъ и совершеннымъ миромъ. Всѣ дѣлаемыя въ арміи учрежденія въ разсужденіи будущихъ потребностей военныхъ подкрѣпляютъ сію надежду. Поставки припасовъ и подряды остановлены, и съ каждымъ днемъ видимъ мы новыя распоряженія, означающія болѣе походъ возвратной, нежели впередъ. Между тѣмъ съ стороны Монарха нашего намъ ничего еще о томъ знать *не дано: но сіе ни мало не* мѣшаетъ, да и нѣтъ въ нашей арміи и обыкновенія такова. Мы рѣдко узнаемъ прежде о походѣ, какъ когда уже выступать въ оной; и нашъ побѣдоносной Фридрихъ не рѣдко приводилъ насъ на сраженія, о которыхъ мы узнавали уже тогда, какъ усматривали предъ собою непріятеля. При Лигницѣ, на примѣръ, гдѣ мы въ полтара часа славную побѣду въ прежнюю войну одержали; на самой утренней зарѣ увидѣли мы тогда только непріятеля, когда былъ онъ отъ насъ не далѣе

лѣе уже пушечнаго выстрѣла. Никто изъ насъ не зналъ, что будетъ у насъ въ тотъ день баталія, но всякой находился въ своемъ мѣстѣ какъ бы о томъ вѣдалъ, и не успѣлъ наступить день, какъ побѣда была одержана и дѣло уже окончано.

И такъ не дай себя обмануть развратнымъ слухамъ, и ожидай лучшаго извѣстія; сообщаемыя мною тебѣ происходятъ отъ людей, которыхъ объявленію можно вѣрить.

Такимъ образомъ уповательно день тотъ уже не далече, въ которой имѣть я буду радость тебя мой другъ и всю мою любезную фамилію паки увидѣть и паки обнять. Признаюсь, что я самъ не ожидалъ, чтобъ могло воспослѣдовать сіе такъ скоро, да и не было по обстоятельствамъ къ тому и надежды: но за то будетъ сіе тѣмъ пріятнѣе мнѣ и тебѣ и всей моей фамиліи. Господь да сохранитъ насъ до того времени цѣлыми и здравыми, дабы первое наше свиданіе было преисполнено радостей, а сожитіе блаженствомъ!

Молодой Вернеръ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, которое произвело мнѣ много удовольствія. Добросердечной отецъ его хочетъ по окончаніи своего откупа переѣхать къ намъ и жить съ нами. Прекрасная истинно мысль и я ее совершенно одобряю. Мы будемъ тогда жить всѣ вмѣстѣ, и будемъ сами уже виноваты, естьли не будемъ столь щасливы, каковыми намъ быть можно. По моему мнѣнію комнаты въ лѣвомъ флигелѣ моего замка, изъ которыхъ видъ простирается на поле, и въ которыхъ жилъ по кончинѣ моей матушки мой родитель, будутъ для него всѣхъ прочихъ удобнѣе и спокойнѣе, но естьли ты лучшее что выдумаешь, то я и тѣмъ буду доволенъ; но то только скажу, что ты радоваться будешь получивъ его себѣ въ товарищи. Долговременная практика сдѣлала его весьма искуснымъ экономомъ, и притомъ онъ очень словохотенъ, читывалъ много, хорошо все помнитъ, чрезвычайно веселаго духа, забавнаго и шутливаго, а особливо подъ веселой стихъ нрава: онъ нимало не испортитъ наше маленькое общество, а возвеселитъ оное, и мы ему будемъ ради.

Но здѣсь въ Шлезіи претерпѣлъ я великой уронъ: я потерялъ моего стараго и любезнаго друга, моего брата и воспитателя моей любезной Генріетты. Отъ всего моего сердца желаю я сему честному старику вѣчнаго покоя и блаженства на небѣ; но жаль мнѣ очень, что не могъ я хотя нѣкоторымъ образомъ воздать ему здѣсь на землѣ за оказанныя имъ дочери моей великія благодѣянія, и теперь воздастъ ему вмѣсто меня уже Господь и въ тысячу разъ болѣе, нежели бы я учинить былъ въ состояніи. О его вдовѣ, пока жизнь ее продлится, да будетъ прилагаемо возможнѣйшее попеченіе. Я велѣлъ Бреславльскому купцу . . . выдавать ей въ каждой мѣсяцъ по двадцати талеровъ, а сверьхъ того не описываясь къ намъ отпускать ей и прочее, что ей вознадобится для ея содержанія. Я учинилъ бы и болѣе для нее, но я знаю, что по умѣренной и воздержной ея жизни она и того не истратитъ, а собирать ей не для кого.

44.
Господинъ Визенау къ Маіору Фолкмару.

Вожделѣнныя извѣстія, которыми ты чрезъ послѣднее твое письмо насъ обрадовалъ, причинили намъ всѣмъ чрезвычайное удовольствіе. О другъ неоцѣненный! поспѣши же и лети въ распростертыя уже объятія твоей супруги, твоихъ дѣтей и твоего друга. Съ какимъ вожделѣніемъ ожидаемъ мы тебя! съ какою радостію побѣжимъ къ тебѣ на встрѣчу!

Вчера получили мы назадъ и нашего любезнаго погибшаго. Слава Богу, что онъ уже у насъ, теперь не ускользнетъ уже онъ изъ рукъ нашихъ. Какъ по письмамъ день прибытія его намъ былъ извѣстенъ, то поѣхали мы вчера до. . . . ему на встрѣчу; тутъ нашелъ онъ насъ совсѣмъ не ожидая, и какъ его, такъ и наша радость была неописанная.

Какая любви достойная чета! какъ нѣжны, коль любовны, и какъ трогательны были первыя ихъ другъ друга обниманія! и какъ устремленъ и прилѣпленъ

былъ

былЪ слухЪ ея кЪ его устамЪ, когда сталЪ онЪ раскazывать потомЪ о своихЪ приключеніяхЪ, о своемЪ отцѢ, о покойномЪ УлрихѢ и о своемЪ путешествіи.

По прошествіи первыхЪ радостей о щастливомЪ свиданіи, кинулЪ онЪ на Генріетту свой любопытной и нѢчто особое знаменующей взорЪ, она разумѢла оной и потрепала его нѢжно по щекѢ, и какЪ взглядЪ ее догадку его подтвердилЪ, то наполнилось сердце его уязвленною радостію. ОнЪ схватилЪ ее наинѢжнѢйшимЪ образомЪ вЪ свои обЪятія и благодарилЪ ее цѢлуя. Щастливой ФолкмарЪ, какія радости дожидаются тебя!

КакЪ радуюсь я сотовариществу стараго Вернера, котораго уже полюбилЪ я по одному твоему и сына его выгодному описанію. ОнЪ умножитЪ наши забавы и увеличитЪ общество, а мы постараемся оставшіе дни его вѢка сдѢлать ему колико можно пріятнѢйшими.

Никого не достаетЪ теперь кЪ нашему благополучію, кромѢ одного тебя: но и тебя наконецЪ мы получимЪ, и чрезЪ то совершатся наконецЪ всѢ наши желанія.

Приложенныя при семъ письма послужатъ тебѣ дальнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ упражненіемъ: и такъ присовокуплю я только то, что есмь:

и прочая.

45.

Дѣвица Адельсбергъ къ Генріеттѣ Вернеръ.

И такъ имѣете уже вы его опять, моя любезная! вашего дражайшаго супруга, котораго мнимая погибель вамъ толикихъ слезъ стоила. Пріимитежъ отъ меня теперь искреннѣйшія поздравленія; не ложно, любезная пріятельница, вы имѣли причину сокрушаться объ немъ столь много; уронъ вашъ былъ бы неנаградимой. Нынѣ, когда узнала я его, узнала наружную и внутреннюю его цѣну: то не могу удивляться тому, что печаль ваша была вамъ столь чувствительна. О какъ щастливою почитаю я себя, что нашла себѣ въ васъ, въ любезной вашей родительницѣ и въ вашемъ изящномъ супругѣ, трехъ друзей прямо по моему сердцу! Вашего славнаго родителя знаю я уже давно; онъ и родитель

мой

мой изстари хорошіе друзья между собою, и по желанію моему обѣ наши фамиліи будутъ впредь составлять одну только, а по близкому сосѣдству можно будетъ намъ почти всякой день видѣться. Коль щастлива буду я, естьли вамъ сіе столькожъ будетъ пріятно, какъ и мнѣ!

Госпожа Шарфусъ паки къ великой досадѣ своей радовалась попустому; она нынѣ явною уже непріятельницею вамъ, и по человѣконенавистному своему сердцу веселилась тѣмъ, что хотя остался въ живыхъ родитель вашъ, но по крайней мѣрѣ лишились вы своего мужа; но скучно говорить о семъ далѣе. До сей госпожи, служащей и роду и чину своему въ поношеніе, да не будетъ намъ впредь никакова дѣла, кромѣ только того, что имѣть мы будемъ къ ней сожалѣніе.

Въ самую сію минуту получилъ родитель мой письма изъ арміи отъ брата своего Полковника Аделсберга: въ нихъ упоминаетъ онъ, что миръ уже подписанъ и войска ожидаютъ повелѣнія къ возвратному походу.

О любезная пріятельница, естьли ето правда, то какъ щастливы мы! —— Но дядюшка мой человѣкъ степенной и весьма основательной, и мы никогда не получали отъ него ложныхъ извѣстій: и такъ можноль бы сему было вѣрить? — Конечно, и въ томъ нѣтъ никакова сомнѣнія! Ктожъ теперь можетъ болѣе обрадоваться сему насъ обѣихъ. Вы получите вашего любви достойнаго родителя, и вамъ не останется уже ничего желать болѣе. А я! ну, какъ бы вы думали, для единой ли васъ я тому столькожъ радуюсь? Ахъ нѣтъ моя любезная! я беру въ томъ собственное свое и близкое соучастіе, ближайшее можетъ быть нежели вы думаете.

Давно бы я уже сообщила вамъ тайну моего сердца, но я не могла найти къ тому по сіе время удобнаго случая. И такъ теперь, любезная Вернеръ, теперь вы ее узнаете. Вотъ она: я ожидаю съ арміею моего любовника.

Любви достойной Ротмистръ Флоріанъ, служащей въ томъ же полку, въ ко-

которомЪ вашЪ родитель, былЪ онымЪ еще вЪ то время, когда былЪ Поручикомъ; но тогда не могли мы еще ласкать себя совокупленіемЪ, по причинѢ что состояніе его достатка заставляло опасаться отказа отЪ моего батюшки; но война толь вредная многимЪ другимЪ, была намЪ очень выгодна. По случившемуся урону доставила она ему вЪ команду эскадронЪ, котораго не могЪ онЪ никакЪ еще надѢяться такЪ скоро, а симЪ и разрушились, какЪ думаю, всѢ между нами преграды. КакЪ скоро онЪ прибудетЪ, то станетЪ за меня свататься, и я буду имЪ и сЪ нимЪ щастлива; словесно о томЪ болѢе.

И такЪ станемЪ любезная пріятельница радоваться и ожидать двухЪ особЪ, коихЪ возвращеніе для насЪ столь важно и крайне пріятно. Вы узнаете его, моего любезнаго Ротмистра, и я ласкаюсь надеждою, что вы не опорочите моего выбора. Буде я не обманусь вЪ томЪ, и вы и его удостоите также вашимЪ дружествомЪ, какЪ ощастливили меня, то буду я за то вѢчно:

и прочая.

46.

46.
Генріетта Вернеръ къ дѣвицѣ Адельбергъ.

За поздравленіе ваше съ щастливымъ возвращеніемъ моего погибшаго мужа, пріимите отъ меня, дорогая пріятельница, наичувствительнѣйшее мое благодареніе, а за похвалу, которою удостоили вы онаго, поцѣлую васъ съ признательнѣйшимъ сердцемъ. Я увѣрена, что вы въ послѣднемъ случаѣ мнѣ ни мало не льстили: ибо искреннее и любви достойное сердце ваше къ тому неспособно. Коль важна и неоцѣненна должна она быть для меня, происходя отъ особы толико тонкой вкусъ и толикое знаніе въ таковыхъ вещахъ имѣющей!

И такъ миръ! миръ! любезная пріятельница; письма, полученныя нами сегодня отъ моего родителя, во всемъ съ письмами вашего дядюшки согласны. Какое неизреченное благодареніе Всемогущему! О станемъ прославлять и благодарить Его за то безпрестанно!

Благодарю, и отъ всего моего сердца благодарю тебя, моя любезная, за удовольствіе

ствіе, причиненное мнѣ дружескимъ открытіемъ вашей сокровеннѣйшей тайны. Я думала, что радость моя о мирѣ не могла уже ничѣмъ умножиться, но въ томъ обманулась, и обманулась къ собственному своему удовольствію. Письмо ваше сдѣлало меня совершенно щастливою. Коль любви достойному надобно тому человѣку быть, котораго дѣвица Аделсбергъ почитаетъ достойнымъ владѣть ея изящнымъ сердцемъ. Щастливыми и безпрерывно щастливыми надобно имъ обоимъ быть, когда и мнѣ таковою быть. Множайшее о томъ и нѣжнѣе поговорю съ вами, прикасаяся устами моими къ устамъ вашимъ, и прижимая перси мои къ персямъ вашимъ: тогда біющееся сердце изъявитъ вамъ свои ощущенія, и докажетъ сколь сильна и велика моя любовь къ вамъ:

и прочая.

47.

Маіоръ Фолкмаръ къ Господину Визенау.

Наконецъ могу я съ радостнымъ сердцемъ сообщить тебѣ любезной Вильгельмъ до-

достовѣрное и вожделѣннѣйшее извѣстіе, что мирной трактатъ въ Тѣшинѣ совершенно заключенъ и подписанъ. Я знаю, сколь пріятно и радостно будетъ сіе тебѣ и моему семейству, а потому ни минуты не медля о семъ васъ и увѣдомляю. Теперь все у насъ въ готовности къ походу, и мы ежечасно ожидаемъ повелѣнія итти обратно.

Я не ожидаю болѣе писемъ ни отъ тебя, ни отъ моихъ домашнихъ, потому что онѣ меня найти не могутъ. Вскорѣ увѣдомлю я тебя о днѣ нашего выступленія, и о томъ, въ которой по вѣроятности можно мнѣ будетъ къ вамъ возвратиться, а до того времени прости.

48.

Тотъ же къ томужъ.

Слава Богу! теперь находимся мы уже въ походѣ, и я пишу сіе къ тебѣ изъ. . . . гдѣ мы имѣемъ роздыхъ. Щитая переходы и дневаньи, естьли Богъ изволитъ, прибуду я. . . . числа съ эскадрономъ своимъ въ. . . . Небо сохрани насъ

насъ до того времени и далѣе благополучными. Въ замкѣ для принятія меня не должны дѣланы быть никакія приуготовленія: ибо возвращаюсь я изъ арміи къ своимъ, и было бы все какъ обыкновенно. Ежели похочешь ты вмѣстѣ съ домашними моими быть при вступленіи моемъ въ. . . то сдѣлаете мнѣ тѣмъ великое удовольствіе. Прочее предоставляю словеснымъ съ тобою разговорамъ:

и прочая.

49.

Генріетта къ Аммтману Вернеру.

Въ отсутствіе вашего сына, отъѣхавшаго съ господиномъ Визенау въ одну на нѣсколько миль отсюда лежащую деревню моего родителя, пользуюсь я сама удовольствіемъ говорить съ вами, драгоцѣнной родитель, которое удовольствіе тѣмъ для меня больше, что наслаждаюсь онымъ при толь пріятномъ случаѣ.

Коль радостно извѣстіе то, которое я вамъ сегодня сообщить могу! Въ состояніи ли вы будете отгадать, какое

бы оно было? — Можетъ ли что для меня ощастливленной быть радостнѣе? Онъ у насъ уже опять. Онъ у насъ наконецъ опять, лучшій, нѣжнѣйшій и любви достойнѣйшій супругъ и отецъ!

Не возпретитежъ мнѣ имѣть ту радость, чтобъ донесть вамъ обстоятельно о его благополучномъ возвращеніи и сюда пріѣздѣ. Увѣдомленіе о семъ произведетъ мнѣ удовольствіе: и для чего же сомнѣваться мнѣ, чтобъ не послужило оно и къ вашему.

Какъ намъ день вступленія его въ . . . былъ извѣстенъ, то поѣхали мы всѣ . . . числа въ сіе мѣсто. Послѣ полудня въ два часа густая пыль столбомъ предвозвѣстила намъ приближеніе эскадрона. Ахъ любезной родитель! какъ вспрыгалось сердце мое, и какъ желало летѣть на встрѣчу приближающемуся возлюбленномъ отцу! наконецъ звукъ трубный возвѣстилъ намъ, что онъ уже близко, и я увидѣла ѣдущаго его передъ эскадрономъ.

Дви-

Движенія, происходившія тогда въ волнующемся моемъ сердцѣ, не могу я вамъ никакъ описать: но то могу сказать, что мнѣ трудно было устоять на томъ мѣстѣ, гдѣ я стояла. Естьлибъ можно было послѣдовать стремленію сердечному, то полетѣла бы я въ тотъ же мигъ, и сквозь всю толпу собравшагося для зрѣнія народа до самаго эскадрона, и встрѣтилабъ его облившись радостными слезами.

Наконецъ приближился онъ къ намъ, и я услышала его голосъ и отеческое намъ привѣтствіе: но шумъ взывающаго и поздравляющаго народа не такъ былъ малъ, чтобъ могла я его слова разслушать. Онъ провелъ эскадронъ свой мимо насъ, и всѣ, всѣ, всѣ восклицали, кланялись и поздравляли.

Ежели что съ самаго начала радость мою нѣсколько уменьшало, такъ было то, что лице у любезнаго моего родителя было нарочито блѣдно, и очень опустилось; однако ето произошло ни отъ чего инаго, какъ отъ дѣйствія его ранъ и отъ утруж-

жденія столь дальнимъ походомъ, но старание и попеченіе наше объ немъ, о чемъ мы вѣрно прилѣжать не оставимъ, все сіе исправитъ и приведетъ его въ прежнее состояніе.

Какъ скоро онъ все нужное распорядилъ и дѣла свои окончилъ, то былъ онъ уже нашъ. Освободите меня, любезной родитель, отъ описанія сего перваго нашего свиданія, никакъ не въ состояніи я онаго учинить; а сверьхъ того вы сами знаете довольно, сколь много мы всѣ его, а онъ насъ, любимъ. Напомните только и вообразите себѣ тѣ восхитительныя для васъ минуты, въ которыя увидѣли вы въ первой разъ и обняли вашего любезнаго сына, котораго почитали погибшимъ и умерщимъ. Что ощущали тогда вы, то самое ощущали мы при семъ случаѣ: ибо и его мы также совсѣмъ было лишились и также почитали мертвымъ, а нынѣ получили паки. ——

Но трогательно было и прямо трогательно сіе вступленіе эскадрона. Всѣ жители городка . . . стояли столпившись

въ

въ кучу и ожидали прибывающихъ; иные не говоря ничего, а изъявляя желанія свои только взорами, другіе съ шумомъ и крикомъ. Здѣсь стоялъ сѣдинами покрытой старецъ, опершись на свой посохъ и ожидалъ своего возвращающагося сына; тамъ стояла согнувшаяся старушка и встрѣчала утѣху и подпору своей старости: слезы радости текли изъ ея очей и смачивали всѣ морщины ея состарѣвшагося лица. Кой гдѣ и посреди самой величайшей толпы видимы были робкія дѣвушки, коихъ сердца съ радостію встрѣчали усастыхъ Адонисовъ своихъ, клявшихся имъ при отъѣздѣ въ походъ вѣчною вѣрностію. Тутъ и тамъ воскликалъ обрадовавшейся мальчикъ: ахъ матушка, матушка! вонъ нашъ батюшка. А-то онъ, онъ, братья и сестры подхватывали его голосъ и вопіяли тоже: ахъ это отецъ, это родитель нашъ. Стараго Марса привлекалъ тогда сей вопль: онъ обращалъ на нихъ свой взоръ, улыбался и слезы радости катились изъ глазъ его и скрывалися въ усы. И такимъ-то образомъ упражнялись родители, братья, родственники и друзья каждой въ своемъ родѣ и по мѣрѣ своей радо-

радости въ поздравленіяхъ и въ встрѣчаніи прибывшихъ.

Въ самомъ эскадронѣ видѣла я уже многія новыя лица: а напротивъ того много другихъ и довольно мнѣ знакомыхъ изъ прежнихъ не находила. Между прочими не доставало къ великому сожалѣнію моему добродушнаго Вахмистра Треймана, того браваго гусара, которой помогъ освободить меня изъ когтей хищнаго Шруббера: Бѣдной! застрѣленъ, и опочиваетъ въ Богеміи, но молодой мужественной Блицеръ поклонился мнѣ съ изъявленіемъ своей радости. Длинной рубецъ отъ сабли, находящейся у него на челѣ, отъ солнца и воздуха покраснѣлъ, а усы, которыхъ онъ тогда такъ сильно желалъ, показались уже не много: теперь почитаетъ онъ себя уже старымъ и испытаннымъ гусаромъ.

Какъ скоро должность свою исправилъ, то пришолъ къ намъ и старой честной Губертъ. О какъ прыгало и стремилось къ намъ его престарѣлое доброе сердце! Онъ плакалъ отъ радости какъ молодой

ро-

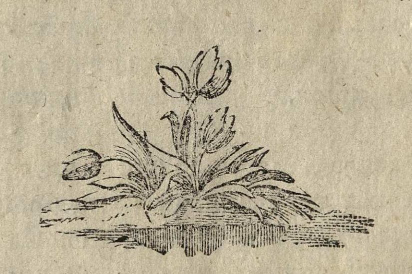
ребенокЪ, а руки у меня и у сына вашего изжалЪ почти до крови, расцѣловалЪ же ихЪ вЪ прахЪ и обмочилЪ всѣ горячими слезами. ОнЪ будетЪ намЪ сЪ сего времени старымЪ ГреберомЪ, котораго мѣсто онЪ заступаетЪ: ибо родитель мой даетЪ ему абшидЪ и беретЪ сего добросердечнаго кЪ себѣ.

Ввечеру вЪ девятомЪ часу пріѣхали мы сЪ любви достойнымЪ вЪ нашу деревню и вЪ замокЪ. Подданные его приняли онаго сЪ восклицаніями, и всѣ обрадованные служители встрѣчали и поздравляли его сЪ пріѣздомЪ. СЪ того дня живемЪ мы здѣсь какЪ праведные на небѣ; и когда Всевышній сохранитЪ намЪ его здравымЪ и благополучнымЪ, то сЪ каждымЪ днемЪ радость наша будетЪ возобновляться.

Однако все еще щастливая наша круговенька не полна и все еще не достаетЪ одного драгоцѣннаго человѣка кЪ совершенству нашего щастія. Сему, кому иному быть, кромѣ васЪ любви и почтенія достойнаго родителя! и такЪ не покидайте

дайте уже и вы воспріятаго вами намѣренія и поспѣшайте въ наши объятія. Тогда, тогда мы уже всѣ, мои родители, и мы ваши любезные дѣти, увидимъ всѣ усердныя желанія наши совершившимися, и всѣ наши надежды въ совершенномъ исполненіи; а до того времени да сохранитъ васъ благость Господня здравымъ и да подкрѣпитъ вашу старость, дабы могли мы еще постараться сдѣлать вамъ оную столь же радостною, сколь веселы были для васъ наилучшіе дни вашей молодости.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ГПБ Русский фонд
18. 260. 5. 20.